

ОН НЕ БЫЛ СРЕДИ ТЕХ, КТО ЛИШЬ ПОМОГАЛ ХРИСТУ

Из проповеди духовного попечителя Преображенского братства священника Георгия Кочеткова на Вечерне 10 сентября 2011 г. под воспоминание праздника Усекновение главы св. Иоанна Предтечи

Сегодня мы с вами вспоминаем Воскресение Христово. Для всякого христианина самое главное — всегда помнить о Христе воскресшем, о дарах Христова Воскресения, о силе Христовой Любви, приведшей к победе Жизни — Жизни вечной. Но мы начали сегодня ещё и празднование Усекновения главы святого Иоанна Предтечи. Сочетание двух таких разных событий всегда заставляет задуматься о том, как мы с вами почитаем святых, послуживших делу Божьему.

Иоанн Предтеча, как вы помните, был другом Иисуса, другом Жениха Церкви. Он был, конечно, не просто аскетом, но человеком, который предал всю свою жизнь лишь одному служению — пророчеству. Святой пророк Божий Иоанн был готов положить жизнь свою за это дело, за это служение, что он и сделал, как вы хорошо знаете из Евангелия. Если бы он был человеком, который просто хотел помочь делу Христову, он не был бы пророком и не положил бы за своё служение жизнь, даже если бы хотел этого.

Служение Иоанна Крестителя было целозажизненным. Он отказался от всего — от семьи, от жизненных удобств. Он был строжайший аскет, иначе его проповедь о покаянии не имела бы силы, ей бы никто не поверил. Ведь верят лишь тому, кто сам делает то, к чему призывает. Иоанн Предтеча призвал к покаянию всех, кто считал себя верующими, всех иудеев, которые считали себя в те времена народом Божиим, хотя, как мы с вами хорошо знаем, Небеса для них были уже давно закрыты по грехам и по неверию их. Поэтому по от-

Фото Евгения Фоминых

ношению к новозаветному провозвестию их часто называют «иудеями неверующими». И вот к ним-то и пришёл Иоанн Предтеча, открывая путь духовного возрождения через покаяние, пришел, указывая на Агнца Божьего, берущего на Себя грех мира. И для всякого, кто покаялся и уверовал в Грядущего, Небеса открылись — будь он из иудеев или из язычников.

В наше время людям тоже нужна проповедь покаяния, и так же, как и во времена Иоанна Предтечи, им нужно указать на Грядущего во Втором Пришествии

Своём, чтобы открылись Небеса для тех, кто считает себя верующими, а на самом деле, подобно древним иудеям, является неверующим.

Для нас это имеет принципиальное значение. Мы никогда не поймём проповеди, и жизни, и жертвенной смерти святого пророка Иоанна, если не почувствуем, в чём корень его служения и что значит это служение, если не поймём, что он не был среди тех, кто лишь «помогал» в служении Христу или апостолам.

Окончание на с. 2

ПРОРОКА НИКОГДА НЕ ЛЮБЯТ

Интервью с митрополитом Гор Ливанских Георгием (Ходром)

Митрополит Георгий (Ходр) (родился в 1923 году в Триполи, Ливан) — выпускник Св.-Сергиевского института в Париже, почетный доктор богословия Св.-Владимирской семинарии, один из основателей Православного молодежного движения (Mouvement de la jeunesse orthodoxe).

Фото Екатерины Алексеевой

Во время XIX Международного симпозиума «Слово Божие в духовной жизни» в монастыре Бозе, Италия (7–10 сентября 2011 г.) преподаватели Свято-Филаретовского института беседовали с митрополитом Гор Ливанских Георгием (Ходром) (Антиохийский Патриархат). Мы публикуем перевод этой беседы.

— Владыка, сегодня в ходе конференции шла речь о том, что главная проблема и задача для современной православной церкви — возродить пророческое и эсхатологическое измерение своей жизни. Согласны ли Вы с этим?

— Сначала надо установить, что значит пророчество в Новом Завете. Быть пророком в Церкви — значит быть тем, кто говорит то, чего хочет Бог от этого собрания, от этой епархии, от патриархата. Он говорит, на чем нужно ставить акцент. Пророк — это тот, кто движется к Богу. Что касается эсхатологии — мы должны смотреть на вечные ценности в христианстве, на глубокие вещи, на победу Бога

— во все времена и за пределами времени... Наши мысли, желания и стремления всегда должны быть устремлены вверх, чтобы не уставать от маленьких, мелких вещей. Нужно иметь внутренний огонь. Вот что такое эсхатология.

— Но говорить о том, чего Бог хочет от прихода, епархий должен каждый священник и епископ. Означает ли это, что каждый священник и каждый епископ должен быть если не пророком, то по крайней мере быть причастным к пророческому служению?

— Это не сводится только к епископам. Например, вы лаики, не священники, и вы можете оказаться более способными к пророчеству, чем священник. Это великое искушение клириков — консерватизм, когда всякое дело продолжают по привычке, без каких-то новых мыслей. Вещи никогда не достигают конца — окончательно завершенного состояния, поэтому надо двигаться вперед в жизни епархии...

Окончание на с. 2

В номере:

О чтении и понимании слова Божьего

XIX Международный симпозиум в Бозе в этом году был посвящен теме «Слово Божие в духовной жизни». О работе конференции рассказывают её участники С. 2

Мы потеряли время: целое поколение священников выросло на неприятии серьезного подхода к крещению

Интервью с протоиереем Игорем Шестаковым, настоятелем Свято-Троицкого собора, секретарем Челябинской епархии С. 4

Но реял над нами какой-то таинственный свет...

13 сентября исполнилось 90 лет со дня рождения протопресвитера Александра Шмемана С. 5

Что значит посвятить всю свою жизнь служению? Возможно ли это?

С этим вопросом мы обратились к протоиерею Павлу Адельгейму, профессору Н.А. Струве, профессору Жоржу Нива С. 6

Вольная неволя у «ненасушного» и подлинного

Интервью с руководителем оргкомитета конференции «Служение Богу и человеку в современном мире» профессором Д.М. Гзгзяном С. 6–7

В приложении «Язык Церкви» мы продолжаем рассказывать о дискуссии, развернувшейся в связи с проектом Межсоборного присутствия «О роли церковнославянского языка в жизни Русской православной церкви»

Он не был среди тех, кто лишь помогал Христу

Окончание. Начало на с. 1

В наше время трудно найти людей, стремящихся к целожизненному служению Богу. Таких людей очень мало не только среди признающих себя христианами, православными, не просто среди прихожан наших храмов — их мало и в нашем братстве. Большинство его членов — это именно помощники, хорошие и добрые люди, особенно когда общаешься с ними лично, индивидуально или вместе с кем-то ещё. Да, конечно, в нашем братстве есть и люди служащие, но их очень немного, и это заставляет нас задуматься. Если мы празднуем память Усекновения главы святого Иоанна Предтечи, нам есть о чём подумать, особенно в тот год, когда этот праздник совпадает с воскресным днём. Насколько мы, неся в себе свет веры в Христово Воскресение, можем быть служителями Божиими и служителями Церкви, хотя бы в ту меру, в какую им был меньший в Царстве Небесном, последний и величайший пророк Ветхого Завета Иоанн? Действительно, каждому надо себя спросить, к чему ближе его сердце, что он делает в церкви и братстве. Читается ли не осуждать других, живя вместе общей жизнью, или уже приучил себя к тому, чтобы в любой момент можно было чем-то своим пожертвовать ради помощи другим в деле Божьем? Начинает ли он служить Богу и Церкви, имея сердце милующее, готовое к общению, или хочет нести, а может быть, уже несёт служение целожизненное, целиком отвергнувшись себя и взяв на плечи свой крест? У нас было бы значительно меньше недоразумений и проблем, если бы каждый сам для себя ответил на этот вопрос.

Думая о служении святого Иоанна Предтечи, я прежде всего думаю о нашей церкви и о нашем братстве. Почему одни готовы принять на себя обет верности и служения, а другие не готовы? Почему одни готовы жертвовать своим временем, силами, средствами, а другие не готовы, или делают это лишь для профформы? Почему нередко люди, живущие в церкви не один год, иногда не один десяток лет после своего оглашения, всё ещё не готовы к служению, даже в начальной его фазе?

Святой Иоанн Предтеча показывает нам пример, он как бы призывает нас не к одному лишь внешнему аскетизму, а к аскетизму внутреннему, не к внешней только проповеди покаяния, но к покаянию внутреннему. Будем же, празднуя его память, учиться служению, потому что в конечном счёте всё Евангелие пронизано призывом предпочесть Христа и Царство Небесное всему, что есть на земле. Это не значит лишиться себя всего, предпочесть — это выстроить адекватным образом иерархию ценностей и целей своей жизни.

Святой Иоанн Предтеча всегда вызывал у христиан благоговейное почитание, всегда служил вдохновением для людей, чьё сердце вдруг загоралось любовью ко Христу и поэтому жаждал служения Ему. Всякий человек, любящий Бога и ближнего, хочет обрести служение. И только тот, в ком любви нет, этого не желает. Давайте же думать над тем, что ещё нам следует сделать, чтобы готовность людей к служению, пока еще слишком малая, стала больше, чтобы люди быстрее проходили предварительные ступени своего духовного пути и выходили на служение, благодаря Бога и радуясь дару Святого Духа, принося настоящие плоды духовные, способные утолить духовную алчбу и жажду окружающих нас людей, да и нас самих, нет-нет да и теряющих свой духовный потенциал.

Да поможет нам всем Господь на этом пути!
Аминь.

О ЧТЕНИИ И ПОНИМАНИИ СЛОВА БОЖЬЕГО

С 7 по 10 сентября в итальянском монастыре Бозе состоялся XIX Международный симпозиум, в этом году посвященный теме «Слово Божие в духовной жизни».

В симпозиуме, в течение многих лет собирающем представителей разных конфессий ради всестороннего исследования православной духовной традиции, приняло участие около 250 человек. Среди них — епископы, священники, монахи и миряне, богословы из Русской, Константинопольской, Румынской, Финской, Болгарской, Сербской, Элладской, Антиохийской, Армянской и Американской православных церквей, католической церкви и протестантских деноминаций, специалисты в области светской науки. В числе участников из Русской православной церкви было много представителей учебных заведений: Московской, Санкт-Петербургской и Киевской духовных академий, Общецерковной аспирантуры и докторантуры и других. Московский Свято-Филаретовский институт представляли проректор Дмитрий Гасак, зав. кафедрой Священного писания Лариса Мусина и преподаватель истории церкви Екатерина Алексеева.

Прозвучавшие в течение четырех дней доклады и выступления на круглых столах разносторонне раскрыли восходящую к святым отцам православную традицию чтения и размышления над словом Божиим.

Уже самый первый прозвучавший на симпозиуме доклад — «Библия в Литургии» (митр. Хризостом Мессинский, Элладская православная церковь) — позволил увидеть центральное значение, которое имело слово Божье в жизни христианской церкви и ее богослужения с самых ранних времен. Митр. Хризостом подчеркнул, что чтение Писания во время литургии оглашаемых есть прямое исполнение слов Спасителя о том, что Евангелие должно быть проповедано всему миру. Без исполнения этой заповеди невозможно наступление Царства будущего века, которое знаменует собой литургия верных. Чтение и проповедь перед началом евхаристической литургии имеет прямую связь с жизнью церковного собрания, выражая его сегодняшней опыт жизни по вере и свидетельствуя о смысле христианской истории,

В перерыве между заседаниями

обращенной к эсхатону. Неслучайно предполагается возвешение слова Божьего во всех службах суточного круга — это возможность каждому верующему искать свой путь к Царству Божьему. К сожалению, накопившиеся за многие века искажения препятствуют выявлению этого миссионерского и эсхатологического смысла чтения Священного писания, который, безусловно, должен быть восстановлен.

В ходе симпозиума звучали доклады на актуальные темы и ставились острые вопросы, связанные со значением и пониманием Священного писания.

Что означает верность толковательной традиции святых отцов? — Дискуссия выявила, что ответы на этот вопрос могут быть очень различными.

Полезно ли или, наоборот, вредна библейская наука? Могут ли обогатить опыт сегодняшних верующих попытки добыть исторические сведения о жизни их братьев и сестер прошедших эпох? Насколько уместны такие попытки и могут ли они быть успешными?

Профессор Петрос Василиадис отметил, что сегодня в православной церкви прочное место заняли модернистские подходы к толкованию Священного писания: либо исключительно через букву самого текста Писания (возрождение старого протестантского sola Scriptura), либо через понятийный внешний образом авторитет учителей (magisterium). В церкви нередко ставится акцент на том, чтобы в ней оставалось «всё как было», тогда как в жизни ранней церкви ясно присутствовала обращенность к тому, «как будет»,

и всё, в том числе чтение Священного писания, было обращено к эсхатону, который не есть отрешение от истории и не добавка к истории, а проникновение Царства будущего века в историческую реальность.

Митрополит Прусский Эпифан (Константинопольский патриархат) в своем докладе «Священное писание и православная духовность» подчеркнул основополагающую роль Священного писания в духовной жизни всякого христианина: «Все книги несут информацию, но Священное писание несет изменение, оно преобразует человека, открытого к этому действию». Владыка подчеркнул, что важнейшая задача церкви — приобщать людей не только к Телу и Крови Господа в таинстве Евхаристии, но и к Его святому Слову. Он отметил особую роль Священного писания как источника церковной проповеди. При этом митр. Эпифан подчеркнул, что православная традиция призвана избежать двух крайностей: пуританской духовности, делающей акцент на спасительности внешнего благочестия и норм поведения, полученных из рук церковных институций, и превращения церкви в «клинику психологической помощи». Он отметил, что основной критерий духовности — возрастание в любви. Поэтому для верующих так важно понимать слово Божие, которое читается во время богослужения, чтобы оно могло преобразовать их жизнь и через это делать их реальными участниками евхаристии. Владыка подчеркнул, что таинство алтаря не должно быть отделено от таинства брата. Говоря о святости

Церкви, недостаточно просто перечислять имена святых — необходимо свидетельствовать обо всем опыте святости, который мы сможем собрать в нашей собственной жизни.

Чрезвычайно актуальные вопросы поднял в своем докладе «О значении Священного Писания в современном православном богословии» митрополит Волоколамский Иларион. Он подчеркнул, что для православного богословия важно единство Писания и Предания, в котором особую роль играет православное учение о действии Духа Святого в Церкви. Это действие проявляется не только в создании и передаче библейского текста, но и в современной церковной проповеди: «Писание рождается в недрах религиозной традиции (Предания), передается религиозной традицией и интерпретируется религиозной традицией... Для православной традиции опыт жизни в Духе первичен по отношению к любому письменному тексту». Именно поэтому, «обращая внимание не на букву, а на дух, православная церковь никогда не канонизировала какой-то один текст или перевод, какую-то одну рукопись или одно издание Священного Писания» и «исходит из того, что христианская вера должна звучать на всех языках мира». В истории Церкви неоднократно предпринимались попытки объявить какие-то языки «сакральными», а все остальные «профанными». И хотя так называемая «трехязычная ересь» была преодолена, попытки провозгласить какой-то язык «сакральным» не раз встречаются и в последующей истории Церкви. «Чтобы Библия стала частью жизни и опыта современного христианина, необходим прежде всего ее новый перевод», — отметил митрополит Иларион. Он подчеркнул, что историко-филологические исследования Библии помогают восстановить культурный и исторический контекст, в котором она создавалась, «лучше понять, как его слова понимались первыми читателями и слушателями».

Доклады и выступления на круглых столах вызвали оживленное обсуждение, которому в этом году организаторы уделили значительную часть времени работы симпозиума.

Лариса Мусина
Информационная служба СФИ

ПРОРОКА НИКОГДА НЕ ЛЮБЯТ

Интервью с митрополитом Гор Ливанских Георгием (Ходром)

Окончание. Начало на с. 1

— В таком случае чем пророк новозаветной эпохи должен отличаться от пророка ветхозаветного?

— Классический ответ будет таким: ветхозаветный пророк провидит приход Мессии. А новозаветный, церковный пророк провидит не Второе пришествие, а говорит в церкви в сегодняшней ситуации.

— Если хочешь быть пророком — чем надо пожертвовать?

— Если говорить правду, пророка никогда не любят коллеги. Его не любят священники, епископы. Правда ведь — епископы не очень любят пророков? Потому что те все время что-то напоми-

нают... Пророк обычно живет в одиночестве.

— Но если пророчество как яркое индивидуальное дарование всё-таки явление довольно редкое, можно ли себе представить, что эту роль выполняет церковное собрание? Может ли это быть церковная община или братство?

— Молодежное движение нашего патриархата как раз было в таком смысле пророческим.

— А Ваш учитель отец Георгий Флоровский был пророком?

— Скорее он был ученым. Но он был очень бедным, и это очень хорошее свойство для священника. Когда он шел, было видно, какая у него старая и плохая ряса, казалось, что она вот-

вот упадет с него от ветхости. У него не все было в порядке с детьми, и это было очень болезненно для него...

— Во времена Вашего обучения в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже вспоминали ли Вы его бывшего ректора прот. Сергия Булгакова?

— Я не застал его, я узнал его по книгам. Мне не очень нравится, когда кто-то слишком вольно обращается с традицией. Сейчас многие любят Булгакова, например, его очень любил Оливье Клеман. Он был француз, и его обратил Булгаков; Клеман пришел из атеизма, у него была стопроцентно языческая семья. Булгаков был очень хорошим

священником, очень хорошим исповедником... Это кое-что. Но вы должны понять, что мы живем на Ближнем Востоке, нас меньшинство, поэтому мы должны очень крепко держаться за традицию. И у нас всё немного по-своему — а с русскими мы практически не взаимодействуем. У меня есть несколько знакомых русских — это те, кто работает в наших краях. Они много пьют, как и французы.

...Но всё-таки главное — движение сердца, вера. Это то, что объединяет людей.

Беседовали Дмитрий Гасак,
Лариса Мусина,
Екатерина Алексеева
Перевод с английского
Ларисы Мусиной

«ПОДЛИННОЕ ЗНАНИЕ ЕСТЬ ПЛОД ОБЩЕНИЯ С БОГОМ И ЛЮДЬМИ»

В Свято-Филаретовском институте начался 24-й учебный год

1 сентября преподаватели, сотрудники, студенты института и учащиеся богословского колледжа, друзья СФИ и члены Преображенского братства собрались в часовне СФИ на традиционный молебен.

Дмитрий Гасак, проректор СФИ, передал благословение и поздравления от ректора проф. свящ. Георгия Кочеткова всем, кто трудится, преподает и учится в институте, а также поступившим в институт и богословский колледж в этом году. Он напомнил, что студенты I курса богословского факультета и магистратуры по религиоведению будут учиться по новому учебному плану, соответствующему государственному образовательному стандарту третьего поколения и подчеркнул, что «всякий верный Богу человек призван быть учеником, достигая полноты богопознания, обретая мудрость и не быть ребенком умом». Проректор напомнил также слова Писания: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать», ведь подлинное знание связано не с эквилибристикой ума или демонстрацией эрудиции, но с познанием Бога, которое является плодом общения с Богом и людьми.

Проф. СФИ Давид Гэгзян в своём выступлении заметил, что

требуется очень высокая чуткость к тому, что зовется подлинностью, истиной, откровением Божьим и не постигается никаким методическим наставлением, не предполагает прямой дороги от ненаучности к научности. Говоря о цели духовного образования, он сравнил этот процесс с совместным хождением преподавателей и студентов по открытому полю, в результате чего можно получить от Господа «ясность в том, что есть подлинная христианская жизнь».

После этого абитуриентам, успешно сдавшим вступительные экзамены и поступившим на I курс института, были торжественно вручены студенческие билеты. Особенно приветствовали собравшиеся несколько супружеских пар, которые будут учиться в институте вместе.

По традиции, чтобы открытие учебного года не было только символическим, после молебна в стенах часовни СФИ для всех присутствовавших была прочитана первая лекция на тему «Классическая система внутреннего убранства православного храма, ее современное состояние и перспективы». Александр Копировский, профессор кафедр философии и гуманитарных дисциплин СФИ, рассказал об

основных принципах системы храмового убранства, сложившейся в Византии в IX–XI вв. после преодоления иконоборческого раскола. Центральным в этой системе был образ Второго пришествия Христа. Остальные изображения в храме были связаны с фигурой Спасителя, между собой и обращены к молящимся. В основе классической системы убранства — не повествовательность и назидательность, но попытка выразить духовное откровение. В православных храмах эпохи позднего Средневековья, а еще более — в Новое и Новейшее время эта система декора постепенно теряла целостность, богословскую ясность и художественную выразительность.

Современное состояние внутреннего убранства многих храмов вызвало ряд непростых вопросов, касающихся не только храмовой архитектуры и живописи, но и всей современной церковной жизни. А.М. Копировский высказал предположение, что новая система внутреннего убранства храма будет постепенно созревать в храмах, не стилизованных под средневековые, и что каждый храм тогда будет иметь свое собственное неповторимое лицо.

Информационная служба СФИ

НОВАЯ ПРОГРАММА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ

С 2011/12 учебного года Свято-Филаретовский православно-христианский институт перешел на новый учебный план. Все кафедры института обсуждают сейчас подходы к его реализации, используя новые возможности для повышения качества образования. Так, кафедра религиоведения обсудила вопрос о преподавании истории религии и утвердила новые программы этого предмета для всех трех образовательных подразделений СФИ: богословского факультета, факультета религиоведения и богословского колледжа.

Разрабатывая подход к преподаванию, члены кафедры стремились избежать дублирования материала в колледже и в институте, сохраняя единство методических принципов.

Одна из важнейших задач, общая для всех программ по истории религии, — показать, что человек, как бы он себя ни позиционировал по отношению к той или иной религии или конфессии, никогда не живет вне религиозного опыта, и помочь студентам научиться отличать этот

опыт от нерелигиозного (психологического, эстетического, этического).

Курс призван показать конституирующую роль религиозного опыта человека в его отношении с окружающим миром и другими людьми и дать представление как о многообразии этого опыта, так и о качественных отличиях стоящей за ним духовной реальности.

В основе курса в богословском колледже — не столько история, сколько типология религий. Это позволит учащимся составить целостное представление о религиозном опыте человечества, понять существенные черты древних, харизматических, племенных и мировых религий.

Курс на бакалавриате богословского факультета насчитывает 76 академических часов и предполагает более подробное изучение отдельных религий. Он построен уже не типологически, а исторически. С каждой из мировых религий студентов будет знакомить преподаватель, специализирующийся на ее изучении. Религии рассматриваются с точки зрения их основных

культурологических характеристик: культа, космогонии, антропологии, этики, эстетики.

Еще более глубокое изучение существующих религий предусматривает магистерская программа по религиоведению, рассчитанная на выпускников бакалавриата богословских, религиоведческих и гуманитарных факультетов. В рамках магистратуры каждой мировой религии посвящен отдельный курс.

При этом одна из существенных задач, стоящих как перед студентами института, так и перед учащимися колледжа, — научиться принимать носителя иного религиозного опыта как своего ближнего.

«Важно, чтобы студенты воспитывали в себе уважение к свободе человека, которая проявляется и в выборе религии, поскольку это библейский принцип, — отмечает М.В. Шилкина, зав. кафедрой религиоведения СФИ, — и одновременно были готовы, если они христиане, поделиться всем ценным и уникальным, что несет в себе вера во Христа».

Информационная служба СФИ

ОПУБЛИКОВАНЫ НОВЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ

Самая массовая религия в России по числу причисляющих себя к ней — Православие — 69% опрошенных считают себя ее последователями, 5% составляют мусульмане. К другим религиозным конфессиям (католицизм, протестантизм, иудаизм и др.) относят себя не более 1% респондентов к каждой, показал опрос.

С 2007 года количество православных в стране увеличилось на 13%, а мусульман — на 2%, сообщили в Аналитическом центре Юрия Левады, социологи которого в августе провели представительный опрос 1600 россиян.

По их данным, число неверующих в стране сократилось в целом с 33% до 22%.

Между тем большинство респондентов (47%) признались, что никогда не посещают религиозные службы. Делают это еженедельно лишь 3%, ежемесячно — 7%, раз в году — 11%, еще реже — 10%.

Сравнение полученных данных с аналогичными параметрами исследования 2007 года показывает, что частота посещения богослужений возросла. Так, за этот период с 59% до 47% сократилось число тех граждан, кто никогда не ходил на рели-

гиозные службы, при этом теперь больше верующих делают это еженедельно или ежемесячно (в целом на 4%).

По данным «Левада-Центра», с 2007 года среди респондентов, которые относят себя к одному из христианских вероисповеданий, стало больше прошедших таинство крещения (с 76% до 86%).

При этом сократилось количество тех, кто никогда не ходит к причастию — с 83% до 65%. По-прежнему делают это более-менее регулярно лишь 3% россиян, несколько раз в год — 17% (против 14% ранее).

Седмица.ru

Мы не должны забыть страшный урок прошлого

1 сентября 2011 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил чин великого освящения Свято-Троицкого собора Магадана и Божественную литургию в новоосвященном храме. По окончании Литургии Предстоятель Русской Церкви обратился к участникам богослужения с Первосвятительским словом.

«Сегодня исторический день для Магадана, для российского Дальнего Востока и для всей страны. Здесь, на земле, политый слезами и кровью, на земле, отдаленной тысячами километров от столицы, на земле, с которой люди в течение долгих десятилетий связывали воспоминания о страданиях, вознесен этот величественный кафедральный собор как символ победы — победы над злом, победы веры во Христа Иисуса, Господа нашего», — сказал Предстоятель Русской Церкви.

По словам Его Святейшества, «Колымский край — это наша российская Голгофа». «И, наверное, те, кто мучил людей здесь, на этой земле, кто произносил во время этапирования страшные слова “шаг вправо, шаг влево — расстрел на месте”, представить себе не могли, что именно в этом месте в небо вознесется величественный собор — действительно как символ победы, как великий знак того, что правда Божия жива и никакие самые могущественные человеческие силы не способны эту правду разрушить», — продолжил Патриарх.

«Все то, что произошло с нами в прошлом, мы вспоминаем не для того, чтобы излить свою злобу или заклеймить позором, — отметил Святейший Владыка. — Каждого человека будет судить Бог, нам не дано судить людей. Даже палачей не судят — каждого ждет суд Божий. Но нам сегодня дана возможность, вспомнив о прошлом, о многом задуматься и, в первую очередь, о том, к чему приводит человека жизнь без Бога».

«Ведь, казалось бы, все было в Отечестве нашем — и практически бесплатный труд миллионов людей, и колоссальные ресурсы, и достаточно высокий уровень образования, и ни с чем не сравнимая мощь государства — но, несмотря на все это, не сумели предшествующие поколения построить счастливой и справедливой жизни», — напомнил Святейший Патриарх Кирилл.

«Вот мы теперь и возносим храмы, строим и воссоздаем их именно для того, чтобы вера вернулась в наши

Возложение цветов к мемориалу «Маска скорби» в Магадане (фото с сайта patriarchia.ru)

сердца, чтобы не повторять ошибок прошлого, чтобы не перемалывать ресурсы, не истощать впустую все то, что Бог дал нашей стране. Ведь сколько сил человеческих, средств, ресурсов ушло впустую, а сейчас мы вдруг с ужасом узнаем, что нам не хватает самого необходимого — хороших дорог, качественных машин, добротного жилья. Где же все несметные богатства и ресурсы? Они растворились. А почему? Да потому, что без Бога и против Бога созидали мы жизнь народа, общества нашего и государства», — подчеркнул Предстоятель Русской Церкви.

«Мы не должны забыть этот страшный урок прошлого, ведь и сегодня появляются люди, в том числе входящие в политику, которые говорят, что нужно вернуться к тому самому прошлому, к жизни без Бога, причем говорят совершенно серьезно, хотя используют, конечно, совсем иные аргументы. Мы отвечаем всем этим людям: приезжайте сюда, на Колыму, и вы увидите, что означает строить жизнь без Бога, а тем более на костях тех, кто исповедовал веру в Господа Иисуса. И мы верим и крепко молимся, чтобы народ наш, умудренный этим страшным уроком, оказался способным сочетать труд, знания, образование, умения, навыки с крепкой и горячей верой. Вот тогда все изменится до неузнаваемости», — заключил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

По материалам сайта Патриархия.ru

Журналу «Благодатный огонь» отказано в церковном признании

Синодальный информационный отдел РПЦ на своей коллегии 13 сентября 2011 года принял следующее решение: «изданию “Благодатный огонь” отказать в выдаче грифа “Одобрено Синодальным информационным отделом”». Напомним, что этот гриф присваивается в том случае, если продукция СМИ «не искажает православное вероучение, не противоречит официальной позиции Русской Православной Церкви, не содержит недостоверных и этически недопустимых сведений».

Среди основных недостатков журнала «Благодатный огонь» Коллегией СИНФО были выделены следующие: практически каждый номер журнала содержит материалы, критикующие те явления церковной жизни, которые редакция и авторы журнала квалифицируют как «модернистские» без явного к тому основания; тенденциозность и обвинение в экumenизме и обновленчестве лиц, в действительности не разделяющих приписываемые им взгляды; излишняя политизированность материалов, содержание которых напрямую про-

тиворечит официальной позиции священноначалия Русской Православной Церкви.

Как сообщил секретарь Коллегии Синодального информационного отдела Н.Н. Шапоров, редакция журнала было предложено представить в СИНФО материалы следующего номера, который на тот момент готовился к печати. Если бы выявленные в результате экспертизы замечания были учтены редакцией «Благодатного огня» уже в следующем номере, издание могло бы вновь подать заявку на гриф и ожидать решения Коллегии. Однако эти материалы так и не были переданы в СИНФО. Редакция «Благодатного огня» предпочла объявить, что в связи с невозможностью распространять издание в храмах «вынуждена приостановить выпуск журнала».

Напомним, что с 1 сентября 2011 года в церковной системе распространения должна присутствовать лишь та продукция СМИ (печатная, кино-, видео-, аудио- и др.), которой присвоен гриф СИНФО.

По материалам сайта Богослов.ру

Профилирующая кафедра СФИ обсуждает свои планы и приоритеты

На заседании кафедры

27 августа, в преддверии нового учебного года, в Свято-Филаретовском православно-христианском институте состоялось очередное заседание профилирующей кафедры Миссиологии, катехетики, гомилетики; богословских дисциплин и литургики. Его возглавил зав. кафедрой, ректор СФИ проф.-свящ. Георгий Кочетков. Заседание было посвящено обсуждению научной и образовательной деятельности института в 2011/12 учебном году.

Члены кафедры определили тему ежегодной VI богословско-практической конференции СФИ, которая состоится весной 2012 года, — «Церковная традиция и современные вопросы подготовки катехизаторов». При выборе темы исходили из круга вопросов, наиболее остро стоящих сегодня перед Русской православной церковью. Прежде всего это методические и практические аспекты проведения оглашения в современных условиях, а также вопрос подготовки людей, которые могли бы в духе святоотеческой традиции, компетентно и ответственно готовить современных катехуменов к принятию таинства крещения и полноценной церковной жизни.

В предстоящем учебном году будет продолжено сотрудничество Свято-Филаретовского института и Русской христианской гуманитарной академии. 17 ноября в РХГА состоится семинар «Библейские и богослужебные переводы на русский язык: методология и перспективы» (ведущий семинара — проф. СФИ А.М. Копировский).

Также в 2011/12 году при Методическом центре по миссии и катехизации СФИ откроются курсы по миссионерскому и катехизическому служению. Их цель — помочь православным христианам научиться свидетельствовать о своей вере, о Боге и о жизни в Церкви, делиться своей верой и опытом жизни по вере. Курсы будут иметь модульную структуру, что позволит человеку выбирать одну или несколько интересных его программ. Первая такая программа, посвященная подготовке к личному свидетельству, заработает в октябре 2011 года.

В 2011/12 учебном году на кафедре Миссиологии, катехетики, гомилетики; богословских дисциплин и литургики будут писать работы около 60 студентов, в связи с чем запланирован пересмотр и существенное расширение тематики выпускных работ.

В центре внимания кафедры остаются вопросы, связанные с подготовкой специалистов, способных изнутри церковной традиции и собственного духовного опыта осуществлять служение миссии, катехизации и просвещения. Решение этой насущной для церкви задачи остается приоритетом работы профилирующей кафедры СФИ на ближайшее будущее.

Информационная служба СФИ

МЫ ПОТЕРЯЛИ ВРЕМЯ: ЦЕЛОЕ ПОКОЛЕНИЕ СВЯЩЕННИКОВ ВЫРОСЛО НА НЕПРИЯТИИ СЕРЬЕЗНОГО ПОДХОДА К КРЕЩЕНИЮ

Интервью с протоиереем Игорем Шестаковым, настоятелем Свято-Троицкого собора, секретарем Челябинской епархии

Прот. Игорь Шестаков (показывая группе паломников из Преображенского братства Культурный центр при Свято-Троицком соборе): У нас здесь собираются разные группы. Во-первых, школа для взрослых, которая занимается 2 раза в неделю. Ведут занятия наши священники по вечерам. Во-вторых, молодежный клуб. Здесь мы собираем молодежный совет. Привлечь молодых людей просто на богослужение — это иногда сверхзадача. Здесь же у нас собирается «Братство православных следопытов», наше довольно сильное региональное отделение. Катехизация, думаю, должна иметь разные формы для разных людей. Мы проводим огласительные беседы пока на уровне практики отдельных храмов, а общей тенденции нет. Мы используем разный опыт — где-то очень много огласительных бесед, где-то несколько часов оглашения непосредственно перед крещением. Ведь всё зависит и от способностей священнослужителя. Катехизация в том виде, в котором она должна быть, встречается редко. Такие случаи можно по пальцам посчитать по всей великой России.

Олег Глаголев (Свято-Екатерининское братство): Я слышал грустную шутку: хороши те епархиальные отделы по катехизации, которые пишут хорошие отчеты...

О. Игорь Шестаков: Вы знаете, я к этому отношусь без симпатии, но с пониманием. Я прекрасно знаю, что мы живём в России, и стереотипы мышления никуда не деть. С 1990 года я священник, Бог миловал, я все эти годы служу в одном храме, не бегаю по приходам и считаю, что это самая правильная практика. Потому что на моих глазах выросло два-три поколения прихожан, и многие мальчики, которые приходили в воскресную школу, сегодня сами уже священнослужители в нашей епархии.

И мне кажется, было упущено время. Очень большой кусок времени просто выпал, потому что мы занимались чем угодно — водопроводом, крышами... А ведь тогда, когда люди шли в храм, когда было второе крещение Руси, крестить так, как крестили мы, было нельзя. Нельзя. Когда мы выходили, и стояло по 300 человек на крещении... Я помню, у нашего храма был рекорд (пусть с учётом того, что в 1990 году это был только второй храм в Челябинске, больше не было храмов вообще, кроме кафедрального собора): 397 человек было в один воскресный день! Это, конечно, с одной стороны, могло восхищать, но, с другой стороны, порождало внутри тебя самого небывалое опустошение, потому что ты не мог уделить человеку никакого внимания.

Конечно, были бы мы тогда умнее, мы бы разбили людей на какие-нибудь группы, мы бы, может быть, с ними беседовали, а от нас же тогда требовали что? Всё, чтоб через месяц была крыша! И что делать? У нас настоятель бесконечно ездил по каким-то «благотелям», мы требы исправляли с утра до ночи только для того, чтобы были средства на восстановление, на ремонт. Вы правы, с катехизацией, с образованием всегда все отодвигалось на второй, третий план. Говорилось: «Ну, вот вот сейчас мы закончим, построим и потом когда-нибудь начнем катехизировать». И уже целое огромное поколение священников выросло на неприятии серьезного подхода к крещению. Среди них митрофорные протоиереи, почти все настоятели, благочинные, они и задают определённый тон всему: а надо ли это нам? И так ведь крестили?! (Их ведь, действительно, так и крестили). И вроде бы жаловаться-то действительно не на что. Идут люди и крестятся каждый день, в чём проблема? Но проблема уже в том, что люди хотят что-то слышать — сами этого хотят.

Прот. Игорь Шестаков с группой паломников из Преображенского братства

Олег Глаголев: У нас, в традиции Преображенского братства (мы считаем как раз миссию, катехизацию и духовное прощение даром нашего братства и тем делом, которое нам Господь поручает), воцерковляются год-полтора-два. И после того, как человек оглашается, он через год поступает в Богословский колледж у нас при СФИ, а затем на бакалавриат, потому что без знания своей православной традиции невозможно полноценно жить в церкви...

О. Игорь Шестаков: Конечно. Нужно сказать, что общество в Церкви видит силу. Для всех очевидно, что «строительный сезон» закончился, и сейчас придет время собирать камни. В Церковь сейчас придут люди — и уже идут. Пусть прослойка церковной интеллигенции сейчас очень тонка, но ведь это же не говорит о том, что она не будет расти, увеличиваться. Все больше и больше людей приходят не потому, что «это модно». Обратите внимание, сейчас ведь никто уже не говорит, что модно ходить в церковь. Потому что все давно прекрасно понимают: а в чем мода-то? Кого тут можно удивить? Никого ж мы не удивляем тем, что мы сейчас приходим в храмы, исповедуемся, общаемся Святых Тайн. Мы не напоказ же это делаем, не выставляем свою веру как некий критерий нашей «продвинутости». И поэтому сейчас все больше людей приходят в желании найти ответ на вопрос, который они ставят: в чем заключается сила веры? Эти люди пополняют ряды тех, кто все-таки понимает, что Церковь — это не внешний антураж. Что наш пышный византийский стиль — это еще не все. Они уже не готовы удовлетвориться только этим. Они хотят участвовать в богослужении осознанно, осмысленно. Они хотят быть живыми участниками. Они хотят работать, подобно вам. Они понимают, что катехизация — это дело не только священников, но и мирян. Нам в помощь появляются какие-то вещи: допустим, мы обращаемся ко времени древней Церкви и вдруг видим, что христианизация была уделом не только священников, не только епископов, потому что все-таки этим занимались гораздо шире. И уже мы не боимся. А раньше ведь боялись мирян! Почему? Опять же: стереотип советского мышления — привлечешь людей — в исполком вызовут. Скажут: «А что ты пристал к инженеру Иванову со

своим Богом? Пусть инженер на заводе работает, а ты давай здесь Богу молишься». Ведь так и было. Сейчас эти препоны сломаны, молодые люди совершенно спокойно могут прийти в храм, они уже не стесняются, не комплексуют. И я смотрю и даже в чем-то им завидую, потому что они в 17 лет сейчас совершенно свободно обсуждают такие темы — понятно, что с максимализмом, с незрелостью, это естественно, но, с другой стороны, они ведь об этом не боятся говорить! Когда мы были молодыми, только заговори о вере в среде своих сверстников — на тебя будут смотреть как на ненормального. Так ведь было? И, слава Богу, что молодежи хотя бы не становится меньше, хотя проблемы есть, и большие...

Олег Глаголев: Вы любите церковнославянский язык, как Вы нам сказали, мы тоже любим церковнославянский и много занимаемся переводами богослужений.

О. Игорь Шестаков: Да, я слышал об этом.

Олег Глаголев: Наш Свято-Филаретовский институт во главе с ректором и руководителем группы переводчиков о. Георгием Кочетковым выпустил по благословению архиепископа Тульчинского Ионафана семь томов литургических переводов. Мы думаем, что это важно, чтобы человек на литургии входил в смысл произносимых слов.

О. Игорь Шестаков: Вы должны помнить, чем заканчивали в России переводчики с греческого... Взять, например, преподобного Максима Грека.

Олег Глаголев: Мы помним пример прп. Максима и его подвиг ради нашей веры и Церкви. Он нас необыкновенно вдохновляет.

О. Игорь Шестаков: Знаете, меня тоже. Потому что у него, как у очень многих русских святых, святость была не благодаря, а вопреки. Как и у святителя Тихона Задонского или Митрофана Воронежского...

Вторая часть интервью, посвященная проблемам прославления новомучеников и исповедников Российских, будет опубликована в следующем номере.

НО РЕЯЛ НАД НАМИ КАКОЙ-ТО ТАИНСТВЕННЫЙ СВЕТ...

К 90-летию со дня рождения протопресвитера Александра Шмемана

13 сентября исполнилось 90 лет со дня рождения о. Александра Шмемана. К этой дате мы решили сделать небольшую подборку размышлений о. Александра на тему служения из его знаменитого «Дневника». Редакция сердечно благодарит Юлию Балакину, выбравшую из объемного текста книги эти отрывки, говорящие так много в связи с этой темой и о воспитании детей, и о тех проблемах, с которыми сталкивается служащий человек на своём пути, и об опасностях искажений, которым служение, как и всякая подлинная вещь, подвергается в мире сем.

***

Ужин вчера у Штейнов с милейшим Наумом Коржавиным. Опять раскаленная атмосфера горячих споров, обсуждение «Континента», Синяевского и т.д. Слушая их, а до того читая «Русскую мысль», все больше убеждаюсь в «разнородности» России, к которым обращены — «первая» и «третья» эмиграции, а поэтому и в их чуждости друг другу. «Первая» эмиграция как будто ничего другого не делала, как помнила Россию. А вот «к расчету стройся» выходит, что это совсем не та Россия, к которой обращена «третья». И тут ничего не поделаешь, если только не перерасти всего лишь «обращенности» или «памяти», не отойти от *своей* России ради более глубокого спора, отнесения ее к тому, что выше, важнее, глубже всякой «России» и даже всех их вместе. Этого, однако, никто не хочет, ибо каждый в своей России и видит «абсолют». Пока люди считают, что можно и должно служить России или Украине или вообще чему угодно в мире сем, они все равно служат идолам, и служенье это — тупик...!

***

Смотря вчера на все это множество глаз, устремленных на меня во время лекции, думал (а потом, на пути домой, передумывал): что такое «воспитание», «образование»? Чем наполнены и живут эти огромные, роскошные college'и, дышащие таким благообразием, благоустройством, мощью, окруженные парками, отражающиеся в водах прудов? «Мы учим думать», «мы учим критике»... Разбор, анализ, критика, рефлексия... Но вот после лекции подошли ко мне девочки — Пушина и Шидловская. До критики и, может быть, даже до фактов, сознательно или подсознательно, неважно — они ждут чего-то другого. «Вдохновения»? «Правды»? «Смысла жизни»? Избитые словосочетания, но именно *то*. Всего того, что отвергает с ужасом и презрением современная академическая психология и идеология. Она разрушает что-то, что еще даже не вошло в сознание студентов. Она отвергает всякое вдохновение, всякое «видение». И эти kids² бросаются восторженно в первое попавшееся на пути: подделку религии, радикализм, transcendental meditation³, communes⁴... Ничто и никто в школах их больше не «воспитывает» и не «образовывает» (*питание и образ*). Отброшено все то, что создало эти college'и и что они внешне все еще отражают, а именно: *образ, видение*. Эти молодые профессора, гордые своими Ph.D.⁵ (о запятых у Андрея Белого), дрожащие за свои места, дрожащие перед студентами, желающие, главное, быть «интеллектуалами» и чтобы приняли их статеку в научный «славяноведческий» журнал... По сравнению с ними наш глупенький и примитивный капитан Маевский был педагогическим гением, и, Боже мой, как я рад, что «на заре жизни» попал в их руки, а не к современным «интеллектуалам» и «educators»⁶. Наш нищий [корпус] Villiers le Bel весь светился «образом» и «видением», все в нем было сосредоточено на «служении». Помню, как в пятнадцать-шестнадцать лет я почти плакал от восторга, читая книгу Montherlant «Le Service inutile»⁷. Жизнь просвечивала чем-то огромным, прекрасным, «важным» — и вот это просвечивание, непонятное, но осязаемое, и *воспитывало, и образовывало*. Несчастливая молодежь, которой предлагают только «critical approach»⁸, фрейдянскую интроспекцию и мелочный «успех»...⁹

Со студентами Св.-Владимирской семинарии. В центре протопресв. Александр Шмеман, слева от него — Н.А. Струве, справа — М.А. Струве. Крествод. 1979 год.

***

Мне думается, что можно и нужно было бы написать книгу: «О реализме Православия и романтизме (нет, не идеализме) православных». Думаю об этом, вспоминая службу в Париже — на rue Daug, на Lecourbe, на Olivier de Serres, на Exelmans. Абсолютный (я не преувеличиваю) разрыв между содержанием (что читается, поется, «совершается») и его восприятием молящимися. Бессознательный, лучше — подсознательный испуг от мысли, что вдруг «станет понятным». Но все, слава Богу, густо покрыто лаком славянского языка, закрыто кокетством и завесами, разбавлено и обезврежено обычаями и традициями, сознанием и гордостью, что мы все это (что?) — «храним», «сохранили». И в «это» (что?) обращаются и иноверцы, и молодежь «там», и нарастает уже романтизм, так сказать, «второй степеню» — «охранение охранения». И все предпосылает Западу как le sens du mystere, le mystere de la vie theandrique¹⁰, и tutti quanti¹¹. И иногда понимаешь иконоборческий пафос, вдохновляющий других христиан, задыхающихся в этом парчовом романтическом номинализме. И выходит так, что не жизнь, служение и учение Христа (включая «и начал ужасаться и тосковать»¹²) мы «актуализируем» в нашем богослужении, а, напротив, им превращаем трагедию этой и жизни, и служения — в некую прекрасную и гладкую «литургическую мистерию».¹³

***

Думал — в связи с еврейскими протестами против политики Картера на Ближнем Востоке: всякому национализму обычно присущ антисемитизм. Между тем как еврей являет собою предел, саму сущность всякого национализма — то есть *обожествление нации*, идеи, что суть религии в служении народу. Наше служение Богу, служение Богу «нашему» — как легко, как незаметно первое переходит во второе, и при сохранении всей христианской «видимости» становится идолопоклонством. «Стойте в свободе, которую даровал нам Христос»¹⁴ — эти слова для меня все больше, все сильнее становятся «ключевыми» для всего в жизни.¹⁵

***

Но разве Христос не тоже — «харизматический вождь», разве вера Ему, вера в Него не предшествуют приятию Его заповедей? В чем тут коренная разница, которую все меньше и меньше чувствуют и сознают современные люди? Не в том ли, прежде всего, что Христос как раз и не хочет и не ищет никакой власти *над* людьми, отвергает все время соблазн претворения людей в толпу, в коллектив, в слепое послушание? Не в отказе ли, далее, от отождествления Своего дела с каким бы то ни было земным «проектом», не в утверждении ли постоянного трансцендентности этого дела — призыва к Небесному, к Царству не от мира сего? Только два

полноса: конкретная любовь к ближнему сейчас и здесь (исцеление, насыщение и т.д.) и искание Царства Божия и жизни вечной. Полное равнодушие к «текущим проблемам», как бы презрение к ним — «отдайте кесарево кесарю...» Ваше служение миру, — говорит Христос, — в полной свободе от него, и в этой свободе — ваша над миром победа...¹⁶

***

Состояние уныния. Не личного — «лично» я могу смело и безоговорочно считать себя очень счастливым человеком: семья, дети и т.п. А по отношению к Церкви, ее состоянию, моей деятельности. Я становлюсь, мне кажется, «аллергичен» к той церковности и той религиозности, которые наполняют Церковь и церковную жизнь и которые мне все больше и больше представляются глубочайшими извращениями христианства и Православия. Между тем только об этом, только в этом вся моя «деятельность», засасывающая бесконечными звонками, письмами, разговорами, собраниями. Все это вне подлинной реальности: Бога, человека, мира, жизни. Душа буквально плачет о другом. Уныние же оттого, что никакого выхода я не вижу. Уйти? Но куда? Я не могу уйти от Церкви, ибо это моя жизнь. Но, оставаясь в том положении, в котором нахожусь, я не могу служить ей так, как я понимаю это служение. Я верю, что Православие — истина и спасение, и содрогаюсь от того, что предлагают под видом Православия, от того, что любят, чем живут, в чем видят «православие» сами православные, даже лучшие, бескорыстные среди них. «Спаси себя, и спасутся кругом тебя тысячи»¹⁷. Но ведь *спастись* же каждый должен по-своему, спасение каждого в исполнении того, к чему он призван. А если сами условия жизни как раз этого спасения и не позволяют? Если вся деятельность в постоянном отрицании того уровня, на котором одно это спасение возможно?

***

Обычная схема: человек отдает себя какому-то делу, отдает себя *служению* тому, в важность чего верит. Затем, почти неизбежно и обычно неведомо для него самого, происходит превращение этого «дела» и «служения» в самоцель, фактический отрыв их от *того*, чему они служат. И тогда от других требуется, чтобы они начали служить *служащему*... Эта схема применима почти ко всему: к «спасению России», «возрождениям» всех видов и оттенков и т.д.

Христианство условием всего ставит отречение от себя. И это в христианстве *самое трудное*.¹⁸

***

Скоропостижная смерть в Париже 12 февраля Репнина. В моей жизни он занимал особое и, я убежден, для других *необъяснимое* место. Он неотрывен от того таинственного праздника, которым были для

меня, я уверен — для нас, пять лет корпуса в Villiers le Bel. 1930—1935, то есть годы между девятым и четырнадцатым годами моей жизни. В корпусе была священная мифология России, служения ей, ее спасения. Корпус был не для нас, не для нашей «подготовки к жизни», не для просто образования, учебы, воспитания. Он был — для России, служение ей. И потому что нам это внушалось днем и ночью нашими воспитателями, потому что вся наша ежедневная жизнь была насквозь пронизана символизмом этого служения, его «священностью», потому что цель и содержание нашей жизни были предельно ясны, но при этом и предельно высоки: *служить России* и, конечно, *умереть за нее* («И смерть дорога нам, как роств на груди»¹⁹), потому что, сами того не сознавая, мы жили в некоем грозном, сияющем и безнадежном мире, — эта атмосфера определяла в каком-то подсознании и наши личные отношения, делала их «романтическими». Не то что мы воспринимали дружбу как «служение России», но она — повторяю: подсознательно — делала друга, товарища, «кадета» больше чем «соратин»²⁰. Иными словами, кроме всех обычных мальчишеских, детских измерений эта дружба имела еще и иное, высшее измерение, жила отсветом той высокой дружбы, на которой — так нас учили — держалась Россия, дружба освященной, скрепленной на полях сражений смертью друг за друга, смертью *вместе*, дружбы, в которую наша «кадетская дружба» была посвящением. Дружба по самой своей природе не может быть «безличной». Она воплощается во всей полноте своей — в другом, в друге единственном, таком, дружба с которым жаждет какой-то непонятной абсолютности. Таким другом и был для меня в те, в сущности, немногие [годы], но теперь кажущиеся самым длинным, почти вечным периодом моей жизни, Репнин. Потом, вскоре, из моей *реальной* жизни он выпал, несмотря на его учение в Богословском институте, встречи и т.д. Он не занимал никакого места в этой реальной жизни, как и я в его жизни. Но память об этой дружбе, неистребимая *метка* ее на душе остались. И вот — эти встречи в каждый приезд в Париж, вчетвером, впятером (Андрей, Петя Чеснаков, Репя, я, в последние годы — Траскин). Ужинали в ресторане, сидели в кафе, провожали друг друга «до метро». Разговаривали о пустяках, общих интересов было так мало. Репнин жил со своей душевнобольной женой на каком-то чердаке на Ile St. Louis, работал где-то ничтожным gratte-papier²¹ — и в эту свою «реальную» жизнь нас не пускал, хотя мы уже знали, что эта мелкобуржуазная жизнь на деле светила подлинным героизмом, святостью: ежедневной, ежечасной заботой о больной жене. Встречались и расходились, словно исполнив некий самоочевидный, хотя словами и неопределимый долг. Теперь, однако, я чувствую, что к этим встречам применимы слова любимого мною стихотворения Адамовича:

Но реял над нами
Какой-то таинственный свет,
Какое-то легкое пламя,
Которому имени нет...²²

¹ «Дневники», с. 427.

² Дети (англ.).

³ Трансцендентальная медитация [аутотренинг, предположительно содействующий душевному покою и творческому настроению] (англ.).

⁴ Коммуны (англ.).

⁵ Докторскими степенями (англ.).

⁶ Деятели в области образования, просвещения (англ.).

⁷ Монтерлана «Напрасное служение» (фр.).

⁸ Критический подход (англ.).

⁹ «Дневники», с. 266-267.

¹⁰ Мистическое чувство, таинство богочеловеческой жизни (фр.).

¹¹ И тому подобное (ит.).

¹² Мк 14:33.

¹³ «Дневники», с. 324.

¹⁴ См. Гал 5:1.

¹⁵ «Дневники», с. 388.

¹⁶ Там же, с. 457.

¹⁷ Слова преп. Серафима Саровского.

¹⁸ «Дневники», с. 542.

¹⁹ Слова из марша Семеновского полка.

²⁰ «приятелем» (фр.).

²¹ писцом (фр.).

²² «Дневники», с. 564-565.

Что значит посвятить всю свою жизнь служению Богу? Возможно ли это? И если да, как к этому прийти? Как при этом понять, кому (чему) служишь, не поклоняешься ли тем или иным идолам?

Протоиерей Павел Адельгейм: На вопрос «как посвятить жизнь служению Богу?» замечательно отвечает библейское выражение «ходить пред Богом». Это заповедь, данная в книге Бытия «Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен» (Быт 17:1). Та же книга Бытия свидетельствует, что заповедь эта исполнима и называется людей, которые её исполнили: «Енох ходил пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его» (Быт 5:24). «Ной был человек праведный и непорочный в роде своём. Ной ходил пред Богом» (Быт 6:9). «Ты сделал рабу Твоему Давиду, отцу моему, великую милость за то, что он ходил пред Тобою в истине и правде» (3 Цар 3:6). Посвятить свою

жизнь Богу означает всегда осознавать себя в Его присутствии.

Достигаем этого, всегда помня и повторяя Его имя. «Непрестанно молитесь», — призывает апостол.

Ещё сложнее не потерять, что приобрёл, и достигается непрекращающимся подвигом трезвения. Христос даёт эту заповедь и многократно повторяет в Евангелии. Он выразил заповедь одним словом: «бодствуйте!». В другом месте: «трезвитесь!» Подлинное следует отличать от всякой подмены, и это бывает просто для тех, кто бережёт принятое откровение. Подмена возникает там, где ты её ищешь, даже если не хочешь в этом признаться самому себе.

Профессор Н.А. Струве: Кто говорит, что он посвящает или хочет посвятить всю свою жизнь Богу и человеку, чаще всего самообольщается. Отчасти это могут сказать монахи или давшие вопреки своей природе обет целибата, поскольку они отказываются от существенной части личной жизни, тоже заповеданной Богом, но и у них бывают самообольщения и жестокие соблазны, например, власти и самослужения. Примеры некоторых святых показывают, что полная самоотдача, посвящение себя Богу и человеку возможны в исключительных случаях. Отдавать себя Богу — это жить в любви к ближнему, как к самому себе, в любви к миру, Богом созданному, в духе истины и правды, до готовности пострадать за правду.

Идолы — это нечто конечное, возведенное в абсолют. А главное, что нам всем доступно, хотя и дается с трудом, это — смирение, оно уже есть само по себе служение Богу и человеку, и, как таковое, не подвластно идолопоклонству.

Профессор Жорж Нива: Трудно мне ответить на такой вопрос. Я люблюсь некоторыми личностями святых или мирян, которые отдали всю свою жизнь служению ближнему и тем же — Богу. Таких людей мы знаем — многих по истории и нескольких в нашем окружении. Есть известные, как д-р Швейцер, мать Тереза, Франциск Ассизский, есть анонимы.

Трудно мне судить об отшельниках или монахах типа католических картезианцев (их основной монастырь недалеко от места, где я живу, в Альпах), которые целиком отдают себя Богу. Одна моя тетя была такой: она принадлежала женскому ордену «клариссинок». Мои многочисленные разговоры с ней — важная веха в моей жизни. Она для меня живой и верный пример возможности полной отдачи себя Богу. Она мне завещала свой дневник, и это текст мистический. Святая Клара, учредительница ордена Клариссинок, была сестрой Франциска Ассизского. Лучше всего я понимаю францисканцев, которые не заботятся о завтрашнем дне и, в принципе, живут «как птицы небесные». Ведь Иисус был бродягой и не велел Своим ученикам заботиться о завтрашнем дне. (А нам-то, простым людям, — наоборот...)

Однако мне кажется, что хорошо управляемая жизнь мирская, будь это с экономической, сексуальной, семейной точки зрения, не менее — служение Богу. И что любование красотой сотворенного мира также есть служение Богу (люблю «Цветочки» Франциска Ассизского), тем более, что ныне эта красота в большой опасности.

Найти в сложной и духовно опустошенной современной жизни свой путь служения трудно и очень увлекательно для сердца. Я уважаю Блеза Паскаля, почитаю его, но считаю его пример не образцовым: после своего обращения он полностью бросил физику и математику и стал как бы светским анахоретом. А ведь нас, обычных верующих, интересует именно, как связать математику с верой, профессию и ремесло со служением Богу, семейную жизнь с любовью к ближнему.

Надо добавить, что я вполне допускаю, что в нашей жизни могут чередоваться периоды работы, влюбленности, отдачи себя семье с периодами как бы «монашескими». То есть неполного и как будто более полного служения Богу. Имею в виду не столько паломничества, сколько целые годы, отданные служению ближнему — чередование нормальной жизни и длительных отпусков, «sabbaticals», как говорят американцы, полностью отданных Богу. Но с возвращением к «нормальной жизни». У меня в моей жизни такое, увы, не получалось, но я люблюсь молодыми людьми, которые на год-два покидают всё и лечат людей в далёкой стране или в бедных кварталах своего города. Этим они нам лучше всего показывают, что и в нашем духовно бедном мире человек еще может служить Богу. И мне кажется, что, порой даже не сознавая этого, они воздвигают настоящую Церковь.

ВОЛЬНАЯ НЕВОЛЯ У «НЕНАСУЩНОГО» И ПОДЛИННОГО

Интервью с руководителем оргкомитета конференции «Служение Богу и человеку в современном мире» профессором Д.М. Гзгзяном

— В чем внутренняя логика возникновения темы предстоящей конференции? Почему предполагается говорить именно о служении?

— Тема служения не случайна: она продолжает логику предыдущих конференций и в этом смысле находится с ними в преемственном отношении — в особенности с предыдущей, потому что к теме служения мы вышли через размышление об иерархичности во всевозможных ее проявлениях. Прошлогоднее обсуждение¹ привело нас к некоему консенсусу в том, что принцип иерархичности как конструктивный принцип устройства церковной жизни предполагает первенствующее внимание к служению. Церковь — это иерархия служений конкретных людей, каждый из которых служит данным ему даром. Эти дары могут быть значительными (соответственно сфере действия служащих большими дарами людей более широкая), могут быть более скромными. Но при этом невозможно согласиться с представлением, что в церкви могут быть люди без даров. Отец Николай Афанасьев был на этот счет совершенно категоричен.

— То есть отношение к иерархии прежде всего как к иерархии служений заложено именно в церковной традиции?

— В соответствии с чинопоследованием поставления термин «иерархия» тесно связан со служением. Эта связь в церковном предании вполне очевидна. Другое дело, что она может быть слишком формализована, и тогда мы потеряем из виду дух служения. Именно поэтому мы и решили заострить свое внимание на том, что по существу может быть названо служением. Ведь у церкви Христовой нет иного способа существования, нежели быть служащей во всевозможных проявлениях этого начала. Более того, если это так, то есть основание допустить, что степень зрелости любого общественного организма, будь он трижды далек от церкви, напрямую зависит от того, насколько в этом сообществе проявляется дух и принцип служения. Иначе говоря, есть ли в нем люди, которые готовы, как трафаретно это принято выражать, «страдать за идею», нести ответственность за что-то большее, нежели круг своих прагматических интересов, идти на какие-то жертвы ради того, что с античных времен называлось «общим благом» — или нет. Все это создает известный круг вопросов, который касается адекватности или неадекватности общественного устройства, а также критериев этой адекватности. Так что без большой натяжки можно провести связующую нить между предыдущими конференциями и предстоящей.

— В анонсе конференции говорится: «мы хотели бы говорить о служении как об особом качестве жизни, выражаемом в категориях свободы, творчества, призвания свыше». В последнее время (во всяком случае, в кругу тех людей, ко-

торые размышляют об этом) также приходится постоянно слышать, что служение — это особое качество жизни. Не могли бы Вы конкретнее этого коснуться? Что представляет собой этот переход в другое качество? Хотелось бы, чтобы это прозвучало не на уровне формулы, а как трансляция некоего опыта. И еще: это касается только церкви или и общества тоже?

— Я, конечно, плохой адресат для такого вопроса. Если я что и умею, то скорее формулы складывать. Начну с конца. Представления о служении как об образе и качестве жизни церковным пространством, конечно, не исчерпываются. Потому что всякая жизнь, отмеченная печатью подлинности, представляет собой служение. Причем это служение, как правило, тем выше и убедительнее, чем в каком-то смысле отвлеченнее от насущного бытия эта жизнь. Жизнь Сократа была, вероятно, куда более подлинным служением, чем жизнь Перикла, с чьим именем связан золотой век Афин. Потому что Сократ служил истине весь, без остатка (это исключительный пример, который, как вы знаете, вдохновлял и первохристиан — Сократа даже почитали как «христианина до Христа»). Так зачем он это делал? Затем, что ему было важно самому жить по-настоящему, и он не мог отвлечься от своей задачи. Ведь служитель всегда невольник своего призвания, того, что он переживает как задачу своей жизни, делающую эту жизнь чего-то стоящей, в каком-то смысле непреходяще ценной.

— И при чем тут свобода?

— Парадоксальным образом, когда ты в неволе у чего-то «ненасущного», ты и бываешь свободен от повседневной суеты — ради того, чтобы ты высшее, что тебя пленило, восторжествовало в твоей жизни. Оно ведь тебя не принуждает, это ты сам покоришь себя, потому сама истина, потому что без этого нельзя, потому что иначе жизнь какая-то тусклая, особенно после того, как ты видел свет... Это что-то вроде добровольного рабства. Тебя ведь никто не неволит, потому что эти высшие начала — сущности эфемерные, мало кому доступные. В принципе, только ты волен связать себя какими-то обязательствами с тем, чтобы они восторжествовали. В этом смысле и в Церкви, и в обществе все похоже. Другое дело, что жизнь Церкви отмечена тем, что Церковь — это полнота откровения, это присутствие Христа, это полнота даров. Она столп и утверждение Истины. Значит, здесь все эти проявления подлинности достигают своего максимально возможного выражения. И ответственность за пребывание в Церкви соответствующая — наивысшая: нельзя в ней жить иначе, кроме как служить. Другое дело, что это очень непросто. И мы сегодня в каком-то смысле обречены на несколько отвлеченное от жизни умствование именно в силу того, что убедительных под-

тверждений тому, что образ жизни Церкви — это в первую очередь такое служение, немного. Но все-таки они есть, и мы вдохновляемся тем, что они бывали в самые неблагоприятные эпохи. То, что история преподнесла нам подарок в виде свидетельства о братстве Н.Н. Неплюева — достаточно красноречивый факт. Трудно было ожидать, чтобы такое братство возникло и существовало на ровном месте, без всяких предпосылок, а тем не менее это было. Неплюев — русский аристократ, который де факто никак с церковными структурами связан не был — только по традиции, по рождению, но этого слишком мало, чтобы в этом видеть основание для того, что он сделал. Значит, это возможно всегда, значит, и нам всем это возможно.

Преображенское содружество, являющееся устройством конференции, слава Богу, тоже имеет какую-то почву под ногами. Мы не в безвоздушном пространстве говорим об этих вещах, а изнутри и осознаваемых проблем, и какого-то положительного опыта, что принципиально важно ценить. Опыт братской жизни, каким бы трудным он ни был, надо уметь ценить как опыт служения. Братская жизнь — это не просто достояние, которым надо, благодаря Богу, пользоваться. Все искушения, связанные с тем, что эта жизнь сулит ряд преимуществ, связанных с душевным комфортом, а то иногда и с возможностью получить материальную поддержку, давно известны и многократно описаны. Они всегда будут, пока есть живые люди, пока будет материально выраженная сторона человеческой жизни, но будет и опыт осознания и преодоления таких искушений.

В церкви всегда была задача адекватно осознавать и описывать тот опыт, который уже является достоянием церкви, но не получил своего внятного выражения. Конференция вряд ли может претендовать на то, чтобы преумножить дух служения в тех, кто будет в ней участвовать. Но она может стать скромным усилием и средством для того, чтобы продумать до конца, окончательно сформулировать, договорить какие-то вещи, сделать их более внятными. Я не думаю, что всем тем, кто причастен опыту братской церковной жизни, так уж очевидно, что та жизнь, в которой мы все участвуем, это уже некий опыт служения — может быть, даже помимо нашей воли. И мы за него уже отвечаем.

— Если в Церкви все-таки есть какая-то интуиция и надежда, и одновременно воздыхание о том, что, действительно, каждый обретший веру призван к особому личностному служению, то в обществе, как кажется, дело обстоит не так. Все-таки в тех примерах служения в обществе, которые были приведены, есть момент какой-то чрезвычайной исключительности, единичности, которая не может быть распространена на многих людей. С другой стороны, есть чрезвычайно расхожее представление о том, что служение — это как уникальный талант. Он выпадает единицам, а миллионы

прозябают без этого... Есть и другое весьма распространенное в обществе мнение, что служить почти стыдно. Если ты занимаешься чем-то, за что не получаешь приличные деньги, то ты «лузер».

— Вряд ли стоит отрицать реальность того стереотипа, который вы назвали: что служение — это в лучшем случае удел каких-то исключительных лиц (причем чаще всего — в экстремальных обстоятельствах), которые как бы вытаскивают мир или некое общество из трясины, из безысходности. Это массовый стереотип, действовавший во все времена и кажущийся всемогущим. Но я не очень понимаю, почему его наличие должно само по себе останавливать кого бы то ни было? На то он и стереотип, чтобы быть развенчанным. Он же не имеет под собой оснований, кроме одного — очень сильного, но исключительно субъективного: не хочу — и все! Не мое это дело — и все! Я человек маленький — и все! Это столь же сильные основания, сколь и беспомощные. Признание предельной справедливости такой картинке есть не что иное, как согласие с тем, что есть я или меня нет, это по большому счету не имеет в мировом масштабе никакого значения. «Я песчинка в пустыне, капля в океане — как угодно. Жить я хочу, а больше меня ничего не интересует». По-моему, это нехитрая позиция, и действительно, массовая. Собственно, тут и возникает пространство служения — когда носители массовости вдруг от этого стереотипа просыпаются и его отставляют. Разве в истории свидетельства о Христе воскресшем было не так? Это было уделом маргиналов, а потом почему-то становилось убедительным для многих, росло, умножалось, невзирая на обстоятельства. Все в жизни по большому счету так и происходит, разницы лишь в том, что в Церкви максимальные ставки, выше которых уже ничего не может быть. Это жизнь — как всецелая ценность. И да — это требует жертв. Не было бы здесь необходимости жертвовать, тогда бы все были служителями. Тем более, что мы так привыкли верить себя и других, что, по большому счету, хорошо то, что выгодно. Так иногда кто-то из верующих пытается немного «прянично» говорить в миссионерской ситуации: мы вас, дескать, зовем к хорошей, настоящей, содержательной жизни. И люди начинают кивать головой, говорить: «Да, мы хотим такую содержательную жизнь, исполненную любви и всего доброго и хорошего». И таким образом «за кадром» остается одно маленькое условие — для этого нужно радикально переменить стержень жизни, а это и означает — привнести в жизнь начало служения. И при осознании этого условия, естественно, сразу включаются тормоза. А что удиви-

Н.Н. Неплюев с педагогическим советом Воздвиженской школы

тельного? Мы разве по себе не знаем, что мы существа немощные, незначительные, что никто из нас до высот не дотягивает, и мы все сделаны из очень сомнительного теста? Но Господь, тем не менее, почему-то призывает именно таких. Вспомним слова апостола Павла: «Посмотрите, братия, кто вы призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных» (1 Кор 1:26,27). И почему-то в этой неблагоприятной среде Господь избирает Себе пристанище...

Перед лицом открывающейся тебе истины о подлинной жизни ты не можешь не чувствовать себя беспомощным, неготовым и так далее. Так что это вечная дилемма. Если служение, то почему это доступно каким-то исключительным натурам? Потому что это — настоящее. А все настоящее — малодоступно, оно требует того, чтобы к нему добираться потом и кровью, а в социальном отношении нередко требует того, чтобы примириться с положением маргинала или, как сейчас принято выражаться, «лузера». Не потому что человек служащий навязчиво ищет себе этого положения, но это как-то естественно получается: ведь глупо искать общественного успеха самого по себе.

— Сейчас стали возникать инициативы снизу, правда, направленные в основном на социальное действие. Устремления простых людей, имеющих некий достаток, и значит, возможность для того, чтобы уже не думать над первым уровнем пирамиды Маслоу, над обеспечением элементарной жизни, сразу обращаются в сторону помощи другим, например, детским домам. Люди просто организуются сами между собой. Может быть, это какие-то всполохи развивающихся благотворных изменений?

— Мне трудно оценить эти примеры с точки зрения того, насколько они складываются в тенденцию. И уж тем более сказать, есть ли это знамения каких-то существенных перемен в обществе. У меня нет, честно говоря, такого ощущения. Потому что если что-то подобное и имеет место, то я полагаю, что это пока инициативы точечные и самые-самые элементарные, которые больше иллюстрируют степень заблоченности нашей общественной жизни и общественного сознания, чем позволяют выразить робкую надежду (даже на то, что сами по себе они уже демонстрируют тенденцию к переменам). Мы — сообщество людей, которое до сих пор не понимает степени тяжести того наследия, под которым мы сгибаемся, которое заражает нашу кровь и воздух, которым мы дышим. Когда я разговариваю с социологами, соучредителями нашей конференции, они всегда очень сдержанно отзываются о такого рода оптимистических признаках тех или иных иници-

атив в обществе. Потому что, по их мнению, сегодня совершенно невозможно указать сколько-нибудь достоверно на появившуюся точку исторического отсчета конструктивных перемен, чтобы определенно сказать: разрушительная история страны закончилась и начинается другая. И если речь идет о ситуации в обществе в целом, то, честно говоря, с моими ощущениями это совпадает. Хотя я рад был бы ошибиться.

— Ни общество, ни Церковь не смогут двигаться вперед, если не будет людей служащих. И в этом одна из главных проблем современной ситуации. Мне кажется, она рождена во многом разочарованием, так как в обществе в последнее столетие люди непрерывно жертвовали идолам. А в Церкви в последние десятилетия, когда был такой большой подъем, люди часто жертвовали строительству стен, а не возрождению церковной жизни... И теперь у многих, я думаю, бывает иногда осознанное или неосознанное ощущение, что это все слова, что их опять хотят обмануть, использовать. Накопился потенциал недоверия к жертвенному служению, особенно в обществе. Что с этим возможно сделать?

— Вы правы, масштабы и степень пораженности этим нездоровым духом в нашем обществе беспрецедентны. Ведь не случайно же люди, далекие от Церкви, но при этом здоровомыслящие, судя по всему, переживают нарастающее отчаяние. Политических перспектив нет, никакого призрака либерализма, этого европейского духа социального устройства, в перспективе не видно. Джин из кувшина не вылетит, а братъ на себя в этой ситуации благотворную роль быть двигателем — не тормозителем, не внешним раздражителем, а именно двигателем массового сознания, то есть человеком, который способен заполнить пустоту — это значит биться лбом об стенку. Но тем самым наша современная и церковная, и общественно-политическая ситуация таковы, что они ярче, чем где бы то ни было иллюстрируют то, что корень подлинной жизни — это не что иное как служение. Речь не о каких-то частных инициативах, которые в той или иной степени способны улучшить жизнь (например, экологическое движение и подобные ему), но именно о фундаментальном принципе. Может быть, именно в нашей провальной ситуации об этом умнее всего говорить.

Беседовали
Александр Кольмагина,
Максим Дементьев,
Анастасия Наконечная

¹ Имеется в виду XX ежегодная международная конференция Преображенского сообщества малых православных братств, проходившая в сентябре 2010 г. Она была посвящена теме «Старшинство и иерархичность в церкви и обществе».

Что значит посвятить всю свою жизнь служению Богу? Возможно ли это? И если да, как к этому прийти?

Профессор Александр Копировский, ученый секретарь СФИ: В советское время часто цитировалось высказывание писателя Н. Островского, автора культового романа «Как закалялась сталь»: «Жизнь дается человеку только один раз, и прожить ее надо так, чтобы ... умирая, мог сказать: вся жизнь, все силы отданы самому прекрасному на земле — борьбе за освобождение человечества». Напыщенность этой фразы мгновенно стала объектом иронии — по контрасту с грубой реальностью, которая сразу душила прекрасные порывы. Но есть в ней и трезвое зерно: понять, что значит отдать всю жизнь служению, можно только пред самым ее концом. В этом смысле вопрос, на который мне нужно ответить, повисает в воздухе. Поэтому могу сказать немного и предположительно. Видимо, вначале нужно, по слову премудрого Сираха, как следует «приготовить душу свою к искушению» (Сир 2:1). А значит — перестать думать, что целожизненное служение Богу возможно только «духовным профессионалам» или, того хуже — великим святым. Великое служение — да, для великих людей (я таких видел), но просто служить Богу (и служить всегда) призван каждый верующий в Него человек. И главное здесь, мне кажется, не пытаться начать некий процесс подготовки, чтобы потом, получив «диплом», идти служить, как после института — работать на производстве. Начало служения — в серьезном и, одновременно, радостном отношении к тому, что встречает любого человека сразу после оглашения. Храм, молитва, причастие, самостоятельное и совместное с братьями и сестрами чтение Писания и писаний, общение всегда с надеждой сказать хоть маленькое благое слово. Все это — без самоутверждения, без попыток непременно придумать что-нибудь «этакое». Служение, и именно на всю жизнь, начинается, как правило, незаметно...

Владимир Якунцев, сопредседатель Миссионерско-катехизаторского общества: Бог до ревности любит дух, живущий в нас. Поэтому Господь отдает нам всего Себя, поэтому и мы призываемся к этому. Если получается с нашей стороны по-другому, то это всегда лукавство. А прийти к общению и единству с Ним можно только через жажду этого общения и единства. Собственно такая жажда и есть вера.

Кирилл Мозгов, руководитель издательства Преображенского братства: То, что возможно отдать служению Богу всю жизнь, мы видим на примере самых разных людей — от апостолов до наших современников. Что это значит и как к этому прийти? Услышать обращенный к тебе призыв Божий и ответить на него. Не у всех это бывает так ярко, как у пророка Исаяи, ап. Павла или Н.Н.Неплюева. Но каждый может сделать этот шаг, потому что Господь обращается к каждому человеку. Н.А. Бердяев писал, что подлинная свобода — это не момент выбора, подлинная свобода рождается только тогда, когда выбор уже сделан. А служение Богу может быть только в свободе.

Людмила Комисарова, руководитель Богословского колледжа при СФИ: Если служить Богу, то всей своей жизнью, потому что жизнь у человека одна. Человек, который пытается прожить несколько жизней, или болен, или глуп. В нормальном случае человек знает цель своей жизни и всегда исходит из этого. Для верующего человека цель жизни в служении Богу.

К служению Богу прийти чаще всего трудно, потому что нужно самого себя и всю свою жизнь Богу отдать. Страшно на это решиться, но если решился, больше никуда идти не нужно, начинается путь служения Богу.

Елена-Милена Королёва, доброволец 1-го московского хосписа: Это значит умереть для греха, потому что если ты для греха не умер, то он обязательно тебя достигнет в той или иной форме и через десять, и через двадцать лет жизни в Церкви и в общине. Если ты не сжег хоть один мост, то рано или поздно ты убежишь по нему на другую сторону, и тебе будет казаться, что можно совместить служение Богу и устраивание своей личной судьбы. И эта раздвоенность в конце концов лишит тебя всего и приведет в такую безблагодатную ситуацию, из которой любой выход будет с минусом. Только умерев для греха, можно прийти к целожизненному служению, иначе не получится.

Маргарита Шилкина, декан факультета религиоведения СФИ: Богу можно отдать только всю свою жизнь, ибо она вся Его изначально. Если мы что-то оставляем «для себя», то мы это теряем навсегда, т.к. вне Бога жизни просто нет. Служить целожизненно — это значит все, что Господь подарил нам, вернуть Ему обратно с благодарностью и прибытком, как приращение талантов: любовь, жизнь, друзей, братство и общину, образование, семью и детей, работу, наше здоровье, способности и духовные дары — чтобы ничего из этого не стало вдруг дороже Самого Бога и Христа, не затмило любви к Нему, не отделилось от Него и не было присвоено нами как «свое».

И история Церкви, и ее жизнь сегодня показывают, что это действительно возможно. И удивительно, что это возможно и в собственном церковном служении, и в науке, и в поэзии, и в преподавании, и даже в тяжелой болезни, приковывающей к постели. Помня о величии служения святых всей церковной истории, хочется благодарить Бога за те встречи, которые были и есть в моей жизни сегодня: с владыкой Михаилом (Мудьюгиным), отцом Виталием Боровым, Сергеем Сергеевичем Аверинцевым, Никитой Алексеевичем Струве, Аллой Даниловной Василевской и, конечно, с отцом Георгием Кочетковым, родившим меня и многих-многих из нас во Христе. Их жизнь убедительно свидетельствует о том, что и в наше время можно всю свою жизнь прожить как целостное служение Богу и Церкви.

Сократ. Римская фреска, I в. до н.э. Музей в Эфесе, Турция

Как отличить служение Богу от служения страстям, тем или иным идолам?

Александр Копировский: По плодам, конечно. «Плод же Духа есть: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, доброта, верность, кротость, обладание собой... (Гал 22:23). И даже когда чувствуешь, что именно этого у тебя и нет, или его совсем-совсем мало (или об этом тебе, прямо или косвенно, говорят другие), то уже можно надеяться, что не служишь страстям и идолам. Потому что от них — совсем другие плоды.

Владимир Якуцев: Господь говорит: «Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства...» Истинный Бог всегда выводит на свободу, и поклонение Ему возможно только в свободе. Все идолы поработают, без исключения, потому что при бескрайнем их различии все равно существует один дух идолослужения, он же дух рабства или зло.

Кирилл Мозгов: Чему и кому мы готовы посвятить всю свою жизнь, в конце концов, отдать ее? Все видно по плодам. Мы же верим, что Господь принимает наше служение, вдохновляя и укрепляя нас.

Людмила Комисарова: Это всегда понятно: кому и чему ты служишь. Если человек верит в Бога и честен перед Богом, то он знает, когда идет путём праведности, а когда сворачивает на путь беззакония. Другое дело, что соблазн бывает сильным, и ему трудно иногда противостоять. Чем целостнее жизнь человека, тем менее возможно вступление на скользкие пути. Вот и всё, что я могу сказать. Сказать не трудно, трудно служить, потому что и плоть немощна, и дух не бодр.

Елена-Милена Королёва: Понять можно по плодам. Служение страстям или иным идолам разрушает прежде всего самого человека. Перекрывает в нем источник живой воды, разрушается общение с Богом и с братьями и сестрами, человека охватывает страх, но не Божий, и он закрывается и для Божьего действия, и для общения с ближними. Человек, служащий Богу, прежде всего должен отвергнуться себя, а вот как это практически сделать, каждый человек решает сам, у каждого человека есть что-то свое, которое он должен отвергнуть, чтобы начать служить Богу и чтобы это служение приносило плоды. Пока этого не произошло, человек будет служить своим страстям и своим идолам в той или иной форме и будет думать, что «приносит службу Богу».

Маргарита Шилкина: Мне кажется, что если человек честен с собой, то он все-таки различает, кому или чему он служит и поклоняется. Служение Богу невозможно иначе как по дару Святого Духа, это всегда служение теми дарами, которые мы получаем от Бога. Призвание к такому служению, поставление на него каждый из нас получает в церковных таинствах Крещения и Евхаристии, о нем может свидетельствовать церковная община и братство, в которых проходит жизнь человека.

БОДРСТВОВАТЬ, СТОЯ НА СТРАЖЕ В НАПРЯЖЕННОМ ВНИМАНИИ К МИРУ

Возрождение первоначального смысла трезвения в жизни Крестовоздвиженского трудового братства

Виктор Васнецов. *Богатыри, 1881-1898*

В своих отчетах о жизни Крестовоздвиженского трудового братства Н.Н. Неплюев пишет, что одна из задач издания отчетов — поделиться опытом трезвения, без которого невозможно сознательное служение делу Божьему.

Для того чтобы понять эту задачу, важно вспомнить первоначальное значение термина «неписис» — трезвение. К этому вопросу обращался еп. Серафим (Сигрист) в своём докладе «"Неписис": эсхатологическое измерение бодрствования», прозвучавшем в 2005 году на конференции СФИ «О мирном и непримиримом противостоянии злу в церкви и обществе». Доклад вл. Серафима начинается с размышления о том, что стремясь к полноте и совершенству, человек стремится вернуть утраченное. В этом смысл любого возрождения.

Призыв Господа к бодрствованию — «И то, что Я говорю для вас, Я говорю для всех: бодрствуйте!» (Мк 13:37) — это призыв быть внимательными к тому, что происходит в мире, и в то же время прямое указание на эсхатон, на «День Господень», который все приведет к своему концу, и здесь мы не знаем ни дня, ни часа, а потому должны бодрствовать. Это состояние бодрствования — как продолжение сказанного пророку: «Сын человеческий! Я поставил тебя стражем дому Израилеву» (Иез 3:17, 33:7). Для первых христиан понятие бодрствовать (или стоять на страже), ожидая пришествия Христа, включало в себя и напряженное внимание к миру, ибо вокруг тьма, стремящаяся поглотить все, так что и к нашему времени обращен призыв «трезвитесь, бодрствуйте» (1 Пет 5:8).

Эсхатологическая составляющая, которая прежде всего заключалась во внимании к окружающему миру, чтобы быть стражем делу Христа, пока Он придет, была изначально принципиально важной в трезвении и бодрствовании. Этот раннехристианский библейский контекст в истории был частично утрачен. В христианской, и

особенно восточно-христианской монашеской традиции, делавшей упор на внутреннем состоянии человека, заповедь о бодрствовании и трезвении преобразовалась в созерцание. И греческое слово «неписис»¹ вошло в аскетическую терминологию как внимание, обращенное внутрь, и стало прежде всего вопросом внутренней жизни.

Владыка Серафим связывает этот процесс с разными причинами. Он, например, говорит о том, что когда государство стало христианским, с одной стороны, отпала насущная необходимость бодрствования и внимательного взгляда в мир. С другой стороны, появилось монашество, которое своим делом было обращено внутрь. Кроме того, одной из причин разрыва между внутренним и внешним в бодрствовании и трезвении стал отход, отрыв литургии от участвующего в ней народа, а в связи с этим редкое причастие, клерикализм и т.д. Ведь на самом деле литургия — это всегда ожидание пришествия и Пришествия, и именно поэтому эсхатологическая составляющая бодрствования теряется, когда народ не участвует в литургии.

Литургическое возрождение, которое началось в XIX в., во многом вернуло традиционное отношение к частоте причастия. «Но можно ли сказать то же о возрождении изначального направления внутренней жизни?» — задается вопросом владыка Серафим. И, отвечая на этот вопрос, говорит о появлении признаков возрождения первоначального смысла бодрствования среди тех, кто много преуспел в отношении внутренней жизни, цитирует работы о. Сергея Булгакова, Тейяра де Шардена, о. Александра Шмемана.

Но если монашеская традиция действительно сформировалась под воздействием представления о неписисе как о внутреннем трезвении и внимании, то вскрытие первоначального смысла неписиса как бод-

рствования, возрождение первохристианских традиций может родить новое монашество, новые типы общин.

И это изменение должно касаться не только собственно монашеских общин. Разнообразные христианские общины, движения и братства (и те, у которых есть физическое общежитие, и те, у которых его нет) на Востоке и на Западе проторяют путь к общинам внутреннего монашества, совместной практике бодрствования и видения.

И здесь мне кажется важным вернуться к отчетам Н.Н. Неплюева. Он называет членов трудового братства исключительно духовно трезвенными представителями человечества и считает важным поделиться опытом трезвения. Этот опыт раскрывается в понимании смысла существования братства, его отношений с Богом, отношения к молитве, к трудовому братству. В этом легко убедиться при разборе каждой отдельной темы отчетов. Например, разбор всех случаев ухода из братства — яркий пример трезвенной оценки событий жизни отдельных братчиков. В качестве примеров нетрезвости приводятся необдуманность при принятии самых важных решений в жизни, недостаток трезвенной любви, крайнее малодушие и т.д.

Мы видим в этих отчетах опыт обретения церковью в лице Крестовоздвиженского братства полноту, целостность и исполнение заповеди: «И то, что Я говорю для вас, Я говорю для всех: бодрствуйте!» (Мк 13:37). В братстве есть как бы некая формула вхождения в дух трезвения: «допросив совесть нашу».

В заключение можно сказать, что в конце XIX в. одновременно с литургическим возрождением возникает стремление к возрождению полноты духовной жизни церкви. Это видно на примере восстановления эсхатологической составляющей трезвения. Одним из центральных эсхатологических признаков для членов братства является братолюбие, внутреннее делание, связанное с явлением славы Божьей, с ожиданием и приближением, присутствием Христа, которое способно изменить мир. Мы не можем достоверно сказать, связано ли появление такого братства, как Крестовоздвиженское, со стремлением возродить первохристианское понимание трезвения, или же восполнение утраченного первоначального смысла неписиса как бодрствования стало возможным благодаря возникновению такого братства. В любом случае мы видим, что эти вещи связаны, и возрождение первоначального христианского смысла трезвения происходит в жизни новых общин и братств, братства трудового и прежде всего братства служащего. Собрания Крестовоздвиженского братства, на которых заслушивались отчеты блюстителя, представляют собой ту совместную практику бодрствования и видения, о которой и говорил как о возможном следствии возвращения к традиции владыка Серафим.

Ирина Богатова

¹ Бодрствование, трезвение.

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495)624-9250
Электронный адрес редакции: kifa@list.ru
Электронная версия газеты: gazetakifa.ru

Подписной индекс в агентстве Роспечать —19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев,
Александр Копировский, Елена Шевелева,
Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова,
Лариса Мусина

Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Учредитель: Межрегиональная общественная организация «Культурно-просветительский центр "Преображение"». Газета издается с октября 2002 г.
© МОО «Культурно-просветительский центр "Преображение"». Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).
Телефоны распространителей
Москва: (495)314-2596 (Александра Ошарина), (499)131-4769 (Ольга Филиппова), +7-905-553-6304 (Елена Голыгина), (499)158-9116 (Валерия Волкова), (495)342-6306 (Марина Чиркова); Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная); США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский) Архангельск: +7-921-073-3276 (Належда Макурина); Вельск: +7-921-812-5959 (София Кудрявцева); Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов); Рязань: (4912)99-14-25 (Сергей Гаврилов) Северодвинск: +7-964-296-9042 (Татьяна Колпакова); Тверь: (4822)50-2308 (Олег Ермолаев); Тула: (4872)37-5782 (Марина Писаревская) Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

GAZETAKIFA.RU

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-38649 от 18 января 2010 г. Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Сушевский вал, д. 49. Тираж 1400. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 21 сентября 2011 г. Время подписания в печать: по графику —9.00, фактическое —9.00. Дата выхода в свет 23 сентября 2011 г.

В прошлом номере нашего приложения мы рассказали читателям о дискуссии, которую вызвала публикация проекта документа Межсоборного присутствия, посвященного роли церковнославянского языка в жизни Русской православной церкви¹. Однако этот рассказ был бы не полным, если бы мы не рассказали и о том, что на сайте «Богослов.ру», официальном информационном партнере Межсоборного присутствия, за прошедшие три месяца появилось восемь статей, связанных с дискуссией, причем семь из них — в конце августа — начале сентября.

Часть статей озаглавлена так, чтобы позиция автора сразу стала понятна читателю: «Возьмем ли мы на себя ответственность за бездействие, отказавшись от перевода богослужения, или почему в России распространено мнение, будто обращаться к Богу можно только на церковнославянском?» — спрашивает Кирилл Мозгов; «Реформа богослужебного языка может привести к непоправимым последствиям» — утверждает свящ. Сергей Ванюков. Но есть и неопределенные названия: «Пути решения проблемы понятности богослужения», «Язык как материя таинства»,

«Учебники поэтического богослужения». Некоторые из озаглавленных таким образом статей далеко не сразу позволяют читателю понять, считает ли автор перевод богослужения неизбежным или, наоборот, ненужным. В целом нужно сказать, что по количеству откликов чувствуется нарастающее утомление участников обсуждения: если к августовским статьям за неделю «набежало» до полусотни откликов, то к сентябрьским уже по семь. В этом номере мы даем краткий обзор нескольких статей и дискуссий, сопровождавших каждую из них.

¹ Проект в ряду других документов был опубликован для дискуссии три месяца назад и вызвал на порядок больше откликов, чем другие документы (так, к 18 сентября на сайте Межсоборного присутствия на проект документа о церковнославянском языке появилось 409 откликов, в то время как на «Проект научного переиздания Триодей...» — 54, «Процедура и критерии избрания Патриарха Московского и всея Руси» — 27, «Отношение Церкви к существующим разнообразным переводам библейских книг» — 12, «Место Поместных и Архиерейских Соборов в системе церковного управления» — 2. На сайте Богослов.ру количество комментариев к различным проектам, публикуемым с декабря 2010 года, колеблется от 5 до 96, к проекту же о роли церковнославянского языка на настоящий момент опубликовано 888 комментариев).

ВОЗЬМЕМ ЛИ МЫ НА СЕБЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БЕЗДЕЙСТВИЕ

Одна из наиболее последовательных и аргументированных статей в защиту возможности перевода богослужения, появившаяся среди материалов портала «Богослов.ру», посвященных проекту Межсоборного присутствия «О значении...», принадлежит преподавателю Свято-Филаретовского института Кириллу Мозгову. Полное её название — «Возьмем ли мы на себя ответственность за бездействие, отказавшись от перевода богослужения, или почему в России распространено мнение, будто обращаться к Богу можно только на церковнославянском?»

Мы приводим здесь небольшую часть статьи и анализ последовавшей за ней дискуссии.

«...» С проблемой богослужебного языка была совершенно незнакома Апостольская Церковь, со дня Пятидесятницы заговорившая сразу на всех языках — т.е. на языке каждого, к кому была обращена апостольская проповедь. История церкви на славянских землях началась с подвига святых Кирилла и Мефодия, пришедших к людям с проповедью и книгами на их языке. Мы чтим память свт. Стефана Пермского, свт. Иннокентия Московского и свт. Николая Японского, переведивших Писание и богослужение на зырянский, алеутский и японский языки соответственно. Почему же современный человек в России, приходя в церковь, каждый раз сталкивается с языковым барьером? Уже более 10 лет назад «... Синодальная богословская комиссия признала, что для сохранения особого языка богослужения нет никаких оснований. Можно ли вообще считать оправданным, с точки зрения веры в Боговоплощение, то противопоставление сакрального и профанного языков, которое характерно, скорее, для нехристианских религиозных традиций?» А воз и ныне там...

«...» После sprawy конца XIV — начала XV вв. и особенно после Никоновских реформ (преимущественно связанных с чинопоследованиями, но затронувшими и язык), церковнославянский практически утратил следы влияния на него русского языка, тем самым отдалившись от него после длительного периода естественного сближения. Таким образом, можно сказать, что с XVII в. и доныне богослужебный язык в целом пребывает в законсервированном состоянии, а любые изменения в нем носят искусственный характер.

Вопрос о возможности перевода богослужебных книг на русский язык появился тогда же. Во всяком случае, первые попытки относятся уже к концу того же XVII в. («Псалтирь» Фирсова, перевод с польского). Но особенно остро этот вопрос встал в начале XX века в связи с подготовкой Поместного собора РПЦ. Тогда больше половины архиереев назвали в списке наиболее животрепещущих проблем непонятность богослужебного языка. «Что поражает в дискуссиях той поры? Очень верное понимание того, что вопрос о языке — это не есть вопрос догматический, это не вопрос канонический».

Церковнославянский язык используется в русской, украинской, белорусской, сербской и болгарской православных церквях. Но при этом в сербской официально богослужение на сербском языке введено уже с 70-х годов прошлого века, в болгарской на болгарском служат с 1990-х годов. Готовятся переводы и в украинской, и в белорусской церквях. Нигде введение в практику бо-

гослужения на национальном языке расколо не породило. Более того, в Сербии это принесло церкви новое вдохновение. Церковнославянский в Сербии и Болгарии долгое время был местного извода. После освобождения Балкан Россией он был принудительно заменен на русский извод, который также используется в украинской и белорусской церквях. На Балканах этот вопрос начали решать еще в начале XX века, когда стали появляться первые систематические переводы на национальные языки (прежде всего сербский), что и породило довольно продолжительную дискуссию. Выбор стоял между сохранением церковнославянского русского извода, возврату к церковнославянскому сербского извода или к переходу на современный сербский. В результате было решено при сохранении в богослужении церковнославянского по желанию прихода разрешить использовать в богослужении тексты на современных национальных языках — сначала в Сербии, затем и в Болгарии. К тому времени уже был подготовлен значительный корпус богослужебных переводов, в процессе обсуждения выработаны определенные переводческие принципы. Как показало недавнее исследование, большинство православных сербов очень хорошо относятся к возможности выбирать язык богослужения и предпочитают двуязычные издания богослужебных текстов независимо от того, на каком языке совершается само богослужение.

«...» Свобода в выборе языка богослужения предполагает и определенную активную позицию в церковной жизни, и соответствующую ответственность за такой выбор. А это не позволяет окончательно закоснеть в устоявшихся — пусть и освященных веками — формах, часто к сегодняшнему дню уже потерявших или теряющих свое истинное содержание.

Никто не предлагает делать буквальные переводы с церковнославянского. Это странно само по себе, так как оригинал в подавляющем большинстве случаев — греческий. Только с него и нужно переводить, помня, что буквальные переводы давно не считаются лучшим вариантом. И если перевод — дело серьезное и продолжительное, с чем спорить невозможно, то тем более стоило бы начать этот процесс не откладывая.

Разумеется, когда речь идет о необходимости ввести в богослужебное употребление живой русский язык, никто не говорит о замене церковнославянского бытового (и лишь поэтически понятным) разговорным русским или корявым подстрочником. Это откровенная подмена, но ее, тем не менее, часто используют в своей аргументации сторонники неприкосновенности церковнославянского.

«...» Для тех же, кто не может расстаться с церковнославянским языком по эстетическим или любым другим соображениям, должна оставаться возможность сохранения богослужения на нем. При этом принципиально важно, чтобы была возможность вводить в богослужение русский язык, формируя, таким образом, его новый — литургический — стиль. Как писал об этом академик С.С. Аверинцев: «Держание — великая ответственность. Но возьмем ли мы на себя более тяжелую ответственность — не за дело, а за бездействие?»

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДИСКУССИИ

За две с небольшим недели к статье появилось 37 комментариев.

Статистически картина дискуссии в миниатюре воспроизводит обсуждение Проекта Межсоборного присутствия (наши читатели, наверное, помнят обзор, опубликованный в прошлом номере ЯЦ).

Точно так же авторы комментариев поделились в соотношении 1:1. Опять большинство из них были мирянами, но среди тех, кто поддержал позицию автора, оказалось больше священнослужителей, чем среди тех, кто возражал ему. Женщины оказались в меньшинстве, но среди противников перевода их все-таки было больше, чем среди сторонников.

Чаще всего не блистали разнообразием и аргументы. Наиболее интересные фрагменты приводим ниже (несмотря на наше желание соблюсти своеобразный паритет, среди реплик оппонентов автора статьи не нашлось ни оригинальных, ни интересных замечаний. Впрочем, это будет отчасти компенсировано тем, что на второй странице приложения приводится обзор статей противников перевода):

«В качестве иллюстрации приведу один красноречивый пример из книги И.А. Гордеевой «Забывшие люди». История Российского коммунитарного движения». М., 2003. На стр. 193 приводится рассказ с ссылкой на достоверный источник. Некоторые представители коммунитарного движения, не имевшие никакого отношения к народникам и пр. революционным кружкам, проводили в деревнях публичное чтение книг для крестьян, в том числе читали книги Нового Завета, естественно, на русском языке. Оказалось, что народ-Богоносец не узнает евангельские тексты!!! «Скорыходов во время своих странствий как-то прочитал крестьянам «Нагорную проповедь»: «Когда я читал прощальную беседу, некоторые плакали от умиления. По окончании чтения посыпались вопросы: «Что за книга? Где взял? можно ли достать или купить?» Эти вопросы задавали крестьяне, те самые, кто с малых лет еженедельно приходил на обедню и слушал, но не слышал чтение Апостола и Евангелия, в своем большинстве оставаясь христианами лишь формально, по наименованию и записи в метрических книгах...» (Константин, Псков)

«...спросите прихожан любого православного храма, многие ли из них хорошо понимают читаемые в церкви отрывки из посланий Апостолов и Евангелий. Я лично знаю очень хорошо разбирающихся в богослужениях православных людей, которые также преткнутся на читаемых в церкви Священных текстах. Хватит говорить о мелодике звуков. Что важнее мелодия или смысл, который мог бы потрясти человека, даже случайно зашедшего в храм? В наше время богослужение — это привилегия некой элиты, которая сама до конца не все понимает и другим не доносит» (Александр).

«На ближайшее время цел. всё же должен остаться основным богослужебным языком РПЦ в российских епархиях с преобладающим русским населением. Переводы же на русский язык делать необходимо. Собственно, они уже есть. Следовательно, надо озаботиться их церковной оценкой (как попытались оценить библейские переводы) и усовершенствованием. Рус-

ский язык в богослужение следует, на мой взгляд, допускать дозированно и постепенно. В каждом более-менее крупном городе должны быть один-два храма, где служат по-русски. При этом не надо фанатизма: какие-то тексты можно оставить по-цел. (как это, кстати, происходит в Болгарии), какие-то подредактировать, какие-то — перевести на русский. Но вот Св. Писание имело бы смысл читать либо только по-русски, либо дублировать цел. чтение чтением рус. перевода.

Мы слишком привыкли к единообразию. Точнее, мы привыкли к такому мышлению. А на самом деле такого уж единообразия нет. В каждом храме фактически свой устав. В разных регионах России служат по-татарски, по-осетински, по-якутски. Так пусть на всю Россию будет хотя бы сотня храмов, где служат — полностью или частично — по-русски» (свящ. Феодор Людовский).

«На земле всякое духовное содержание должно быть воплощено. Форма необходима, без формы содержание не воплотится. Но форма принадлежит пространству и времени, а духовное содержание вечно. Нужно, чтобы эта форма была наиболее удобной для воплощения духовного содержания. Т.е. во времени формы должны развиваться, должны меняться. Если мы будем догматизировать форму, то форма неизбежно станет отторгаться от содержания, начнет тормозить духовную жизнь, начнет обязательно вступать в противоречие с содержанием, потому что в жизни все в развитии. Если она остановится, то она умрет.

И вот в истории христианства эта диалектика содержания и формы в истории богослужения христианского имеет огромное значение. Если мы не поймем этого с самого начала, то мы ничего не поймем. Вся история богослужения для нас станет совершенно непонятной. И непонятными станут проблемы богослужебной церковной жизни, которые стоят перед нами сегодня. Они стоят перед нами с огромнейшей остротой» (Анна Коваленко-Анциферова).

«Правильно сказано: надо формировать богослужебный стиль русского языка. А не нить, что такой якобы в принципе невозможен. Дорогу осилит идущий. Но у некоторых есть соблазн лежать на старой печи и ждать пока она «по шучьему велению» сама поедет в светлое будущее :-))» (Виталий Койсин).

Забавной деталью обсуждения стало явление язычника под ником *Raiden*, возмущившегося тем, что автор статьи прославляет подвиг свт. Кирилла и Мефодия: «Какое лицемерие. Вы ещё скажите, что Кирилл и Мефодий являются создателями славянской письменности, как об этом говорят многие другие. На руси ещё задолго до крещения руси, исконно существовало множество видов письменности, а Кирилл и Мефодий лишь упростили и искажали славянскую письменность, для перевода Библии, а так же, для внедрения и распространения чуждой, инородной религии на земле русов — христианства». Нужно сказать, что ни один из сторонников неизменности цзя такого рода нападок за отставание православия не удостоился.

Обзор подготовила
Александра Колымагина

Есть ли надежда на диалог?

Среди разных материалов, связанных с темой понятного языка богослужения, следует отметить сочинение активной участницы различных интернет-форумов Н.Е. Афанасьевой. В своей статье «О «певческом» переводе Херувимской песни на русский и украинский языки архиепископа Тульчинского и Брацлавского Ионафана (Елецких)» автор предвзывает претензии церковному иерарху, талантливому композитору и переводчику богослужбных текстов.

Данное сочинение следует читать крайне внимательно, вовремя отлавливая не соответствующие действительности высказывания. Уже в преамбуле автор утверждает, что ректор Свято-Филаретовского института проф.-свят. Георгий Кочетков якобы считает, что церковнославянский язык «следует вовсе упразднить». Это же мнение автор приписывает и «приверженцам» отца Георгия. Зная отца Георгия лично в течение многих лет, я, конечно, сразу понимаю, что автор выдает желаемое за действительное, но что делать тем, кто готов поверить автору на слово?

Посмотрим же, в чем же суть обвинений (а это именно обвинения) Афанасьевой в адрес архиепископа Ионафана. Оказывается, перевод владыки «во всем противопоставлен кирилло-мефодиевской традиции». Автор конкретизирует, что именно преступает переводчик: принцип пословного перевода, точную передачу корня греческой лексемы в ее буквальном значении и каноны византийской поэтики, выверенные веками.

Далее следует целая статья, призванная пояснить, почему, например, первым словом Херувимской песни должен быть именно артикль мужского рода, который на церковнославянском языке требуется перевести как относительное местоимение «иже»; в каком порядке должны стоять подлежащее, прямое дополнение и другие части предложения в греческом и церковнославянском тексте и т.д. Главный вывод: по-настоящему православными принципами перевода являются только те, что ис-

пользовали святые братья Кирилл и Мефодий тысячу лет назад. То есть предполагается, что даже их преемники, упоминаемые в обсуждениях митр. Киприан и Евфимий Тырновский, активно использовавшие иные принципы перевода, противоречили кирилло-мефодиевской традиции. Еще один вывод из статьи: перевод допустим только в учебных целях, ни в коем случае — не в певческих, т.е. не для использования в богослужении. «И пускай кто-то из молящихся, особенно из новоначальных, сначала не поймет, что означает слово «дориносима». Достаточно священнику на проповеди или преподавателю в воскресной школе это объяснить. Зато это слово прекрасно и возвышенно, и даже сама его временная «непонятность» в чем-то созвучна непостижимости и таинственности происходящего», — откровенно заявляет автор.

Статья Афанасьевой не вызвала много откликов — почти за месяц высказалось всего 17 человек. Из них лишь двое однозначно согласны с автором. Среди других собеседников — знаток Священного писания и переводчик Андрей Десницкий, автор работы о книжной справе XVII в. прот. Георгий Крылов, свят. Максим Антоненко, дьякон Андрей из Киева, а также — сам владыка Ионафан. И пусть они не согласны с позицией автора, но ведь произошло то, о чем мечтали многие переводчики в течение столетий: можно жить в разных странах, не быть знакомым со своим собеседником и при этом вместе работать над переводами, обсуждать, критиковать друг друга и находить лучшие варианты из возможных.

Автору было адресовано много вопросов и критических замечаний. Среди них: «Чтобы оценить любой перевод, как и вообще любой плод деятельности рук человеческих, нужно для начала понять, зачем и для кого это было сделано. А потом определить, насколько результат соответствует этой цели. Иначе разговор будет идти на уровне «мне нравится — а мне не нравится», причем оценки будут первич-

ны и бесспорны, а аргументы будут просто подбираться в поддержку этих оценок. Эта статья — как раз пример подобного подхода» (Андрей Десницкий). «Со всем этим можно было бы согласиться, если бы не была очевидна личная и предвзятая позиция автора. Некоторые фразы данной статьи совершенно портят впечатление о работе, призванной быть свободной от собственных весьма спорных убеждений. Дело в том, что подобный мировоззренческий бэкграунд лично меня заставляет сильно сомневаться в объективности всего исследования» (Егор Резниченко). «Когда автор, рассуждая о значении греческих лексем, ссылается не на этимологию и словари греческого языка, а на популярные статьи Н.Д. Успенского, что-то всерьез обсуждать с этим автором остается просто не о чем» (Василий, Москва). «Интересно, а как тогда рассматривать любые переводы? Септуагинту — как искажение смысла Ветхого Завета? Ц.-сл. переводы В.З. — тоже его искажение? (Ибо форма др.-евр. поэзии неизбежно в той или иной мере терялась). И даже «Отцы пустынноики и жены непорочны...» Пушкина — это искажение смысла молитвы св. Ефрема Сирина?» (Виталий Койсин). «На каком основании автору надо верить, что существующие тексты точно соответствуют греческому оригиналу? Кто даст гарантию, что сами греки не ошиблись и точно передали смысл Писания при переводе и достоверно переложили в поэтическое произведение смысл верования, а потом и славяне вслед за ними при всех и всяческих переводах и переписываниях Писания и собственно греческих гимнов? Кто даст гарантию, что автор воспринял без искажения то, что сказали или хотели сказать греки и предыдущие славянские поколения верующих? Почему, судя по всему, автор родился в русскоязычной среде, обучался ему и пишет на столь неподходящем языке на высокие темы? Это ошибка Промысла, которую надо исправить?» (И.К. из Москвы). «Для адекватного перевода некоторых греческих лексем иногда требуется целая славянская фраза — о каком пословном переводе в этом случае можно говорить? Конечно, иногда вводили неологизмы. Но непонят-

ность текста в Средневековой Руси часто переживалась как кошунство. Поэтому редакторы стремились сделать текст понятным. По-разному. Иногда прибегали к пересказу. Чаше жертвовали глубиной первоначального смысла текста ради поэтической компактности и стройности (как в случае с дориносима — дариносима). Злоупотребление пословным и поморфемным принципами при книжной справе XVII в. и привело к искажениям и «коллпсам» новообрядческой редакции, высмеиваемым старообрядцами» (прот. Георгий Крылов). «Что делать нам, простым смертным, не имеющим ни лингвистического, ни филологического, ни другого какого образования, связанного со «словесностью»? И это только по поводу одной Херувимской целая научная статья! Возможно ли нам, неучам в лингвистике, такой перевод сделать самостоятельно? Конечно нет! Но ведь мы вынуждены этими т.н. «переводами» заниматься постоянно! Представляет ли каково «народное творчество» на службах?» (Татьяна, Подмоскowie).

Вступив в переписку, владыка Ионафан со всей корректностью пояснил, что помимо «мистической» трактовки Херувимской песни возможна и другая: «Херувимская не живописует Великий вход, а нацеливает верных на принятие Царя всех в предстоящем Причастии. Автор херувимской провел поэтическую параллель между литургическим перенесением Святых Даров — символом Царя-Христа, с историческим шествием-входом византийского Императора — живой иконы Христа, в храм Святой Софии (в эпоху поздней античности) в окружении почётной многочисленной (!) стражи копеносцев. Этот восточный византийский обычай можно и ныне наблюдать в церемонии встречи Папы, как суверена, в соборе Святого Петра в Риме».

Наталья Афанасьева, поначалу отвечавшая на адресованные ей высказывания, почему-то именно после владыки Ионафана перестала отвечать. Увы, оказалось, что задача автора — не церковный диалог, а только обличение того, чью богословскую и научную позицию она не разделяет.

Анастасия Наконечная

ГЕНЕЗИС

Священномученик Сергей Правдолюбов (+1937) получил срок в Соловецком лагере за свои проповеди, в которых он любил рассказывать о богослужении¹. Отец Сергей очень уважал святителя Феофана Затворника, в свое время писавшего о неотложной необходимости нового, понятного для народа перевода богослужения. В духовном «Завещании моим детям и внукам» о. Сергей приводит цитаты из Евангелия на русском языке, говорит, как важно не быть обрядовером, но быть христианином не внешним, а внутренним, что нужно молиться во время службы теми молитвами, которые поются и читаются в храме, а не какими-то своими...

Внук новомученика, тоже отец Сергей Правдолюбов, преподаватель литургики Свято-Тихоновского института, сегодня предлагает отказаться от понимания того, что поется и читается в храме. В своей статье «Ради мира церковного проект о церковнославянском языке следует снять с рассмотрения», опубликованной сразу на нескольких ресурсах (не все из которых с чистой совестью можно назвать православными), он говорит: «Покушение на церковнославянский язык — это покушение на нашу национальную идентичность; отказаться от церковнославянского языка значит отказаться от нас самих».

НЕМНОГО СТАТИСТИКИ

На сайте Богослов.ру к 12 сентября под этой статьей появилось 69 откликов от 32 участников. Голоса разделились примерно пополам. Интересно отметить, что, как и в других дискуссиях, среди защитников церковнославянского языка больший, чем

«НЕ ВВОДИМ ЛИ МЫ НОВУЮ ЕРЕСЬ?»

среди сторонников понимания богослужения, процент женщин (7 женщин и 7 мужчин), а среди сторонников документа Межсоборного присутствия — больше мужчин, в т.ч. и священнослужителей (10 мужчин, среди них есть иеромонах, дьякон и чтец, и 4 женщины). География дискуссии оказалась неожиданно широкой. Так, в поддержку о. Сергия выступили люди из Москвы, Саратова, Егорьевска, Архангельска, Петербурга, а также — из Кракова, Мюнхена и некто послушник Максим из Свято-Троицкого монастыря Швеции. В поддержку документа высказались жители Тверской области, Москвы и Подмоскowie, Видного, Иваново, Ангарска, а также из Энсхеде (Нидерланды).

НА НЕЙТРАЛЬНОЙ ПОЛОСЕ

Интересно отметить, что когда противники документа Межсоборного присутствия начинают занимать более конструктивную позицию, они невольно приближаются к его сторонникам. Поддерживающая о. Сергия Елена из Москвы говорит о необходимости «широкого издания богослужбных текстов с пояснениями», а Evstoliya предлагает провести «технологическую реформу на уровне издательского отдела Патриархии»: «тексты ежедневной литургии (вечернего богослужения, акафистов), изданные самым дешевым, неприязненным образом, — должны быть в отдельной библиотеке каждого храма. Они должны выдаваться или продаваться (обязательно и то, и другое) каждому ЖЕЛАЮЩЕМУ прихожанину перед началом ли-

тургии... Разворот каждого листа должен слева иметь канонический литургический текст (со сносками непонятных слов, если человек хочет читать по-славянски), справа — перевод по-русски».

Татьяна из Подмоскowie, будучи сторонницей документа, предлагает практически то же самое: «выпустить хотя бы молитвословы с параллельным ЦСЯ качественным переводом (а не только толкованием слов и оборотов) на русский язык молитв утренних, дневных и вечерних, а также Канонов и Последования ко причащению». Далее сторонники документа делают следующий логический шаг: «для мира церковного надо отдать право выбора использовать никоновский перевод или новый перевод на усмотрение отца настоятеля и прихода» (Михаил из Тверской области).

ПРОТИВ СПРАВЫ ИЛИ ПЕРЕВОДА

Сторонники о. Сергия называют его «истинно Русским пастырем» (орфография оригинала сохраняется), защищающим наши церковные святыни, а его текст — «ПОСТУПКОМ опытейшего священника, в котором говорит многоколенный священнический славный его род».

Некоторые читатели идут дальше автора статьи: «Сами буквы несут иной духовный смысл того старого алфавита»; «мы разговариваем на одном языке. Понятном и чистом. Красивом и древнем. Родном. Церковнославянском».

Отдельное место в репликах этого ряда занимает страстное описание оппонентов: «Это люди

с полностью искаженной, изуверческой агрессивной антидуховностью, генезис которой важно было бы проследить...»

В ПОДДЕРЖКУ ПРОЕКТА МЕЖСОБОРНОГО ПРИСУТСТВИЯ

Некоторые участники дискуссии признают, что после статьи о. Сергия стали лучше относиться к документу Присутствия, который ранее считали методологически беспомощным и непоследовательным: «Не будь этой бумажки, как бы мы тогда узнали — ЧТО (а не Кто) на самом деле является краугольным «камнем» не только для многих мирян, но и для известных пастырей?»

Дьякон Андрей Белоус с горечью отмечает «низкий (вернее, никакой)» научный уровень статьи о. Сергия: «Не очень понятно, почему именно в неизменности языка он видит «многовековые устои». Менялось все от грамматики (например, в Остромировом Евангелии Мф. 1:21 вместо «родить же сына» прочтем «родить же сын» или «во веки веком» вместо «во веки веков» в конце возгласов до патр. Никона) до начертания букв, использования титл и т.п... Как можно было не упомянуть даже реформы (напр. Никона — АН)! Ее ведь в средней школе изучают. Но и до него шла книжная справа».

Высказывание Fronesis объясняет сравнительно небольшое число откликов на статью о. Сергия: «дискуссия с ним непродуктивна. Ну, не будем же мы всерьез обсуждать вопрос «какой цвет лучше: зеленый или красный». Мол, красный цвет — тво-

рение Божие, а зеленый — нет».

Конечно, в дискуссии вспоминаются и Господь, говоривший на простом арамейском, и апостолы, которые по дару Духа Святого обращались в Пятидесятницу к каждому на понятном для него языке, и трёхязычная ересь, в которой обвинялись святые братья Кирилл и Мефодий. Поминаются в ней и наши миссионеры — святители Макарий (Глухареv), Николай Японский, преподобный Герман Аляскинский. «Не вводили ли мы новую ересь через обожествление человеческого языка?» — спрашивает Georg. «О сколько еще язычников в христианском обличье, поклоняющихся словам и символам в нашей Церкви!» — вторит ему Елена.

ЧТО В ИТОГЕ

По итогам этой, как и других подобных дискуссий, невольно возникает вопрос: возможно ли сегодня двум сторонам (сторонникам и противникам документа Межсоборного присутствия) услышать друг друга? Некоторые из участников обсуждения напрямую обращаются к автору статьи и его сторонникам: «Поймите, суббота для человека, а не человек для субботы!». Однако нет никакой уверенности в том, что эти слова будут восприняты не как стремление обидеть оппонентов или, не дай Бог, причинить вред церкви, а как выражение желания в духе братской любви сделать то, чего так ждет Господь от Своей церкви.

Анастасия Наконечная

¹ См. цикл его проповедей «Объяснение Божественной литургии».

² Имеется в виду следующее место из статьи о. Сергия: «церковнославянский язык — тот камень, на котором построено здание нашей... духовности, традиций».